Соколов, М
Х
Ученической библиотеки Ставропольской
11839

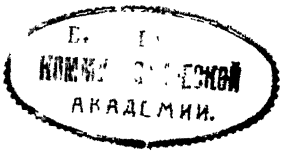
ПОЗИТИВИЗМЪ

ПРЕДЪ СУДОМЪ ЗДРАВАГО РАЗУМА.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Козловыхъ.
1897.

„Пров 38“

331



1179
27

Дозволено цензурой. Москва, 6 іюня 1896 г.

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

ДОРОГАГО НАСТАВНИКА

Виктора Дмитріевича Кудрявцева

ОТЪ

ИСКРЕННО ПРИЗНАТЕЛЬНАГО УЧЕНИКА.

Предлагаемая брошюра, не представляя собою чего-либо вполнѣ самостоятельнаго, имѣетъ ближайшимъ побужденіемъ указать существенные пробѣлы Позитивной философіи въ самыхъ основныхъ ея воззрѣніяхъ, а также дать каждому любознательному мыслителю краткое руководящее начало при ознакомленіи съ философіей Здраваго смысла, такъ открыто и самоувѣренно заявляющей свои права на исключительное господство во всѣхъ отрасляхъ. Сочту свой трудъ не напрасно предпринятымъ, если онъ принесетъ хотя малѣйшую пользу современному читающему обществу, и съ величайшею благодарностію приму всякое основательное и безпристрастное замѣчаніе.

Преподаватель Тульской Духовной Семинаріи

МИХАИЛЪ СОКОЛОВЪ.

I.

Въ наше время послѣднимъ словомъ науки очень многими признается философія Позитивная. По своему основному характеру это философское направленіе не представляетъ собою какой-либо одной опредѣленной системы въ философскомъ смыслѣ этого слова. Правда, подъ именемъ Позитивизма часто разумѣютъ систему Огюста Конта, какъ одно цѣльное и законченное міровоззрѣніе, но должно замѣтить, что послѣднюю въ ея полномъ составѣ не принимаютъ даже прямые ученики и послѣдователи Конта. Еще болѣе расходятся съ нимъ тѣ, которые не признаютъ себя его сторонниками, но которыхъ однако вполнѣ основательно причисляютъ къ позитивистамъ. Вслѣдствіе такого разногласія въ воззрѣніяхъ самихъ представителей Позитивной философіи и къ содержанію ея слѣдуетъ отнести, какъ всѣ тѣ положенія, которыя согласно принимаются всѣми или почти всѣми позитивистами, такъ равно и тѣ довольно многочисленныя отступленія, въ которыхъ они разногласятъ между собою. Понятно, что при опредѣленіи сущности Позитивизма, какъ особаго философскаго направленія, нужно и должно руководствоваться прежде всего и главнымъ образомъ перваго рода положеніями, потому что частныя несогласія пози-

тивистовъ представляютъ собою лишь уклоненія ихъ отъ своихъ пунктовъ въ менѣе существенныхъ отношеніяхъ, хотя, конечно, для полнаго и всесторонняго раскрытія содержанія Позитивизма не слѣдуетъ упускать изъ вниманія и эти отступленія. Итакъ, въ чемъ же заключается сущность Позитивизма, какъ особаго философскаго міровоззрѣнія?

II.

По единогласному свидѣтельству самихъ позитивистовъ и ихъ противниковъ, Позитивная философія находится въ самой рѣзкой противоположности со всѣми другими философскими направленіями послѣдняго времени. Это обстоятельство указываетъ намъ, какъ на характеристическую черту Позитивной философіи,—на своеобразное рѣшеніе ею вопроса о познаніи, такъ какъ въ новой философіи вопросъ этотъ выдвинутъ на первый планъ. И дѣйствительно, взглядъ позитивистовъ на познаніе существенно отличается отъ взгляда на этотъ предметъ всѣхъ другихъ философовъ. По своему первоисточнику теорія знанія позитивистовъ стоитъ въ тѣсной логической связи и послѣдовательности, какъ съ Матеріализмомъ вообще, смѣнившимъ собою Спекулятивный идеализмъ Гегеля, такъ съ Сенсуализмомъ въ частности. По ученію матеріалистовъ истинно сущее—это вещество или матерія съ ея основами—атомами; но каждый атомъ, благодаря своему удѣльному вѣсу, неизбѣжно сводится къ однимъ внѣшнимъ отношеніямъ, становится простымъ явленіемъ. Поэтому, если сущность внѣшняго міра состоитъ изъ вещества, то этотъ міръ становится міромъ внѣшнихъ явленій. Съ другой стороны, если, согласно Сенсуализму, всѣ способности души, а вмѣстѣ и всѣ наши познанія происходятъ изъ впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ,

то отсюда само собою слѣдуетъ, что единственнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ познаній служитъ внѣшній, чувственный опытъ, что весь кругъ человѣческихъ знаній ограничивается одними внѣшними данными и что задача познанія состоитъ въ обобщеніи наблюдаемыхъ явленій и въ выводѣ изъ нихъ общихъ законовъ природы. Всѣ эти положенія, прямо вытекающія изъ Матеріализма и Сенсуализма, и составляютъ основу Позитивизма въ рѣшеніи вопроса о познаніи. Слѣдовательно, теорія знанія, принимаемая Позитивизмомъ, есть эмпиризмъ, который такимъ образомъ и составляетъ сущность Позитивизма.

Но эмпиризмъ Позитивной философіи въ тоже время значительно отличается отъ Матеріализма и Сенсуализма. Между тѣмъ какъ по мнѣнію матеріалистовъ вся область дѣйствительно сущаго исключительно опредѣляется матеріею, изъ атомовъ которой посредствомъ механическихъ и химическихъ соединеній и образуются всѣ разнообразные виды бытія, Позитивизмъ не отрицаетъ и бытія міра сверхчувственнаго, сверхопытнаго,—онъ просто только умалчиваетъ объ этомъ послѣднемъ, считая его недоступнымъ для нашего познанія. Гербертъ Спенсеръ говоритъ, напр., что „хотя абсолютное нельзя узнать никакимъ образомъ и ни въ какой степени,—мы находимъ однако, что положительное существованіе его оказывается неизбѣжною данною сознанія, что, пока продолжается сознаніе, мы ни на минуту не можемъ отрѣшиться отъ этой данной, что вѣрованіе въ эту данную имѣетъ за себя ручательство болѣе надежное, чѣмъ какое-бы то-ни-было вѣрованіе“ [1]). Да притомъ, Позитивизмъ признаетъ недоступной для насъ и сущ-

[1]) Собраніе сочиненій Г. Спенсера, изд. Табоена, вып. 7, стр. 106.

ность міра вещественнаго, ограничивая все наше познаніе только одними явленіями сущаго, тогда какъ Матеріализмъ прямо и открыто заявляетъ, что сущность всего есть матерія и ея начала—атомы. Съ другой стороны, Позитивизмъ, вопреки Сенсуализму, совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи и значеніи различныхъ формъ познавательной дѣятельности человѣческаго духа и, можно сказать, далекъ отъ той мысли, чтобы выводить всѣ способности души исключительно изъ однихъ только впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ, что дѣлаетъ Сенсуализмъ. „Въ состояніи Позитивномъ, говоритъ Контъ, духъ человѣка обращается единственно къ открытію, посредствомъ хорошо комбинированнаго употребленія умозаключенія и наблюденій, дѣйствующихъ законовъ явленій“ [2]). Подобное разграниченіе умозаключенія отъ наблюденій свидѣтельствуетъ о томъ, что то и другія представляютъ съ точки зрѣнія позитивистовъ нѣчто различное. Въ чемъ же однако въ частности состоитъ особенность Позитивнаго эмпиризма, какъ теоріи знанія?

Рѣшенію этого вопроса необходимо предпослать краткое замѣчаніе о томъ, что при всякомъ изслѣдованіи познанія всегда и непремѣнно должно имѣть въ виду во-первыхъ, самого субъекта, или лицо, познающее что-либо, во-вторыхъ, объектъ, или то, что подлежитъ познанію, и наконецъ въ третьихъ, пріемъ или способъ, которымъ человѣкъ пріобрѣтаетъ познаніе о чемъ либо: только при правильномъ изученіи этихъ трехъ необходимыхъ условій всякаго знанія и можно вѣрно рѣшить самый вопросъ о познаніи.

---

[2]) Auguste Conte, Cours de philosophie positive, par. 1830. T. 1, pag. 5.

Что касается перваго необходимаго условія познанія, т. е. лица познающаго, позитивисты обходятъ его мимо и въ своей теоріи эмпиризма останавливаются исключительно на подробномъ опредѣленіи содержанія и метода познанія. Въ этомъ отношеніи они прежде всего утверждаютъ, что единственною областью знанія, доступною человѣческому изученію, служатъ вещественные предметы, познаваемые нами лишь при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, на которыя они только и могутъ воздѣйствовать. Отсюда, все наше познаніе внѣшнихъ предметовъ съ ихъ свойствами ограничивается бытіемъ вещей для насъ, ихъ дѣйствіемъ на насъ и въ насъ, т. е. мы узнаемъ о вещахъ только то, какъ онѣ намъ являются, слѣдовательно, познаемъ только явленія; явленія же даются намъ въ ощущеніяхъ, а потому ощущенія или данныя такъ называемаго внѣшняго опыта и служатъ дѣйствительною основою истиннаго знанія. „Только то познаніе, говоритъ Огюстъ Контъ, имѣетъ реальность (т. е. выражаетъ дѣйствительное явленіе), которое можетъ быть сведено къ даннымъ внѣшнихъ чувствъ“ [3]). Всякое явленіе, какъ бытіе зависящее, неизбѣжно предполагаетъ, какъ свою дѣйствительную основу, то, чѣмъ оно обусловливается, иначе—вещь саму въ себѣ. Послѣдняя не можетъ быть внѣшнимъ предметомъ нашего познанія, какъ немогущая быть явленіемъ, и потому она безусловно непознаваема. Значитъ, и наше познаніе явленій относительно: мы не знаемъ ни ихъ сущности, ни дѣйствительнаго способа ихъ возникновенія; мы знаемъ лишь взаимныя отношенія явленій. Эти отношенія отличаются свойствами постоянства и неизмѣнности, т. е. при однихъ и тѣхъ же условіяхъ они быва-

[3]) Кризисъ западной философіи Вл. Соловьева, ст. 1, стр. 51.

ютъ одни и тѣже, а потому могутъ быть названы законами явленій. Слѣдовательно. законы явленій и составляютъ все содержаніе нашего познанія. Законы эти состоятъ, по выраженію Конта, въ „постоянныхъ отношеніяхъ послѣдованія и сходства явленій,“ иначе въ постоянномъ сходствѣ, соединяющемъ нѣсколько явленій, и той или иной постоянной послѣдовательности, поставляющей ихъ въ извѣстный порядокъ — то какъ предыдущія, то какъ послѣдующія въ отношеніи другъ къ другу. Отсюда, все наше познаніе ограничивается только внѣшнимъ опытомъ, и потому позитивисты усиливаются доказать несостоятельность другаго, психологически признаннаго источника познанія — опыта внутренняго или самонаблюденія. „Ясно, говоритъ Огюстъ Контъ [4]), что умъ человѣческій по неотразимой необходимости можетъ наблюдать всѣ явленія, исключая своихъ собственныхъ, потому что иначе кто же былъ бы наблюдателемъ? Относительно явленій нравственныхъ понятно, что человѣкъ можетъ самъ наблюдать волнующія его страсти, по той анатомической причинѣ, что органы, представляющіе сѣдалище страстей, отличны отъ тѣхъ, которые назначены для наблюденія; но наблюдать подобнымъ образомъ умственныя явленія въ то самое время, когда они происходятъ, очевидно невозможно. Мыслящій субъектъ не можетъ раздѣлиться на двое такъ, чтобы одинъ размышлялъ, а другой разсматривалъ его во время размышленія. Органъ наблюдаемый и органъ наблюдающій въ этомъ случаѣ тождественны. Какимъ же образомъ можетъ имѣть мѣсто наблюденіе? Незначительныя же наши познанія объ умѣ пріобрѣтаются наблюденіемъ надъ другими людьми, а не самонаблюденіемъ“. Поэтому-то между прочимъ мы не можемъ

---

[4]) Въ цитованномъ выше сочиненіи стр. 31.

познать даже и сущности нашего собственнаго духа. „Легко доказать, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, что познаніе себя, собственно такъ называемое, абсолютно отрицается законами мышленія; такимъ образомъ—личность, сознаніемъ которой обладаетъ каждый, и существованіе которой есть для каждаго фактъ, наиболѣе достовѣрный предъ всѣми другими, на самомъ дѣлѣ вовсе не можетъ быть познана: познаніе ея не допускается самой природой мышленія“ [5]).

Установивши такимъ образомъ, какъ несомнѣнный законъ, начало внѣшняго опыта и отвергши истинное значеніе въ дѣлѣ познанія самонаблюденія или опыта внутренняго, позитивисты приходятъ далѣе къ тому заключенію, что и существеннымъ пріемомъ въ познаніи служитъ индукція или методъ опытный. Въ своей логикѣ Милль старается доказать всю несостоятельность дедуктивнаго метода, какъ неспособнаго дать намъ какое бы-то-ни-было познаніе вещей. „Вся сила силлогизма, замѣчаетъ онъ, основывается на бо́льшей посылкѣ, содержащей въ себѣ общій законъ, подъ который подводится частный фактъ, а между тѣмъ самая эта посылка извлечена изъ фактовъ, слѣдовательно, опирается на то, что должно составлять заключеніе. Значитъ, въ дѣйствительности-то, все человѣческое знаніе исходитъ изъ опыта и возвращается къ опыту, а потому и истинные выводы дѣлаются не отъ общаго къ частному, а отъ частнаго къ частному; общее же начало, выражающееся въ силлогизмѣ, служитъ намъ только формулою, объединяющею наши предварительныя наблюденія, а потому имѣетъ чисто формальное значеніе. Задача индукціи—анализировать законы явленій, дѣло

---

[5]) Цитов. выше собраніе сочиненій Г. Спенсера, стр. 71—72.

дедукціи—выводитъ изъ нихъ слѣдствія; послѣдняя поэтому опирается на первую, хотя въ свою очередь и индукція, отправляясь отъ фактовъ внѣшняго опыта, нуждается въ предварительномъ общемъ началѣ, на которомъ она могла бы опереться". По мнѣнію того же Милля, всякое опытное изслѣдованіе прежде всего предполагаетъ общее основаніе: природа управляется неизмѣнными законами. Высшимъ закономъ, связующимъ всѣ явленія, служитъ законъ причинности, который и по формѣ и по содержанію отличается безусловнымъ характеромъ. Основываясь на этомъ законѣ, индукція и открываетъ намъ постоянныя соотношенія явленій въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности. Этого достигаетъ она путемъ слѣдующихъ трехъ различныхъ способовъ: во-первыхъ, наблюденія въ строгомъ, буквальномъ смыслѣ, т. е. чрезъ прямое разсматриваніе явленія въ его природныхъ условіяхъ, во-вторыхъ, собственно опыта, т. е. изслѣдованія явленій въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ для лучшей научной ихъ разработки, и наконецъ въ третьихъ, путемъ сравненія, т. е. послѣдовательнаго изученія цѣлаго ряда сходныхъ случаевъ, въ которыхъ явленія все болѣе и болѣе упрощаются. Отсюда „изъясненіе фактовъ, скажемъ словами Конта, есть не болѣе какъ связь, установленная между различными частными явленіями и нѣкоторыми общими фактами, число которыхъ прогрессъ науки стремится уменьшить болѣе и болѣе" [6]).

Послѣднія слова Огюста Конта опредѣляютъ между прочимъ и главную задачу положительнаго знанія. Она, какъ оказывается, заключается въ уменьшеніи общихъ фактовъ, подъ которые подводятся частныя явленія, иначе сказать, въ удовле-

---

[6]) Aug. C. Cours de philosoph. positive par 1830. T. I, p. 5.

твореніи тому требованію законности явленій, которое называется всеобщностью и состоитъ въ указаніи постояннаго отношенія извѣстнаго явленія ко всѣмъ вообще явленіямъ,—значитъ, въ указаніи общей системы явленій. Слѣдовательно, мы должны стремиться къ познанію системы явленій, должны стараться всѣ разнообразные законы послѣднихъ по-возможности свести къ одному общему основному закону. Но такъ какъ частные эмпирическіе законы, открываемые индукціею, составляютъ предметъ различныхъ положительныхъ наукъ, то для познанія общаго начала, связующаго всѣ явленія, очевидно, необходимо привести всѣ отдѣльныя положительныя науки въ одну общую систему, опредѣляемую взаимнымъ отношеніемъ ихъ отличительныхъ, своеобразныхъ предметовъ, слѣдовательно, для достиженія по-возможности полнаго и связнаго положительнаго знанія необходима система положительныхъ наукъ. Съ другой стороны, послѣдняя должна служить и жизненнымъ оправданіемъ главныхъ научныхъ положеній Позитивизма. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что каждая положительная наука излагаетъ познаніе данныхъ въ опытѣ явленій, слѣдовательно, имѣетъ вполнѣ эмпирическій характеръ и притомъ въ самомъ развитіи своего предмета пользуется преимущественно индуктивнымъ методомъ. Въ силу этихъ соображеній позитивисты и отводятъ въ своей теоріи эмпиризма довольно видное мѣсто научной систематизаціи, такъ что послѣдняя стоитъ у нихъ въ необходимой внутренней связи со всѣмъ ихъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ, какъ практическая сторона его. Вотъ почему главнымъ образомъ и всю даже сущность своей философіи они полагаютъ въ научной систематизаціи. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на свидѣтельство самихъ пред-

ставителей Позитивной философіи. „Задача Позитивизма, говоритъ Огюстъ Контъ, заключается въ обобщеніи науки“ [7]). „Я опредѣляю ее (Позитивную философію), говоритъ Литтре, такъ: Позитивная философія есть такое пониманіе міра, какое проистекаетъ изъ систематизированной совокупности положительныхъ (позитивныхъ) наукъ, пониманіе міра посредствомъ правильной группировки общихъ фактовъ или основныхъ истинъ къ нему ведущихъ“ [8]). „Позитивная философія, прибавляетъ онъ нѣсколько ниже [9]), есть слѣдствіе двухъ операцій: опредѣленія общихъ фактовъ каждой основной науки и группировки или соподчиненія этихъ фактовъ“. Свидѣтельства эти заслуживаютъ тѣмъ бо́льшее вниманіе, что представляютъ мнѣнія, высказанныя, съ одной стороны, самимъ основателемъ Позитивизма, съ другой— новѣйшимъ его представителемъ. Такимъ образомъ, систематизація положительныхъ наукъ является необходимымъ условіемъ полнаго ознакомленія съ эмпирическою теоріею знанія Позитивизма. Но прежде чѣмъ перейти къ ея изложенію необходимо замѣтить, что почти каждый послѣдователь Позитивной философіи предлагаетъ свою особенную научную систему, такъ что представить такую систему наукъ, которая бы единодушно принималась всѣми сторонниками Позитивизма, нѣтъ никакой возможности. Въ виду этого мы остановимся на научной систематизаціи Конта, какъ самой начальной, долго пользовавшейся большою извѣстностью и даже теперь не утратившей еще своего въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значенія въ философскомъ мірѣ Позитивизма.

---

[7]) Огюстъ Контъ и положительная философія Р. Р. Льюисъ стр. 11.

[8]) Контъ и Милль-Литтре стр. 291.

[9]) Ibid p. 296.

Въ основаніе своей классификаціи наукъ (такъ принято называть научную систематизацію Конта) Контъ полагаетъ существующее между научными законами явленій отношеніе бо́льшей или меньшей сложности, въ силу котораго законы явленій болѣе сложныхъ предполагаютъ законы менѣе сложные и болѣе основные и зависятъ отъ нихъ. Такъ. механическіе законы движенія тѣлъ предполагаютъ математическіе законы пространства и числа и зависятъ отъ нихъ; физіологическіе законы растительной и животной жизни въ свою очередь предполагаютъ законы о химическихъ явленіяхъ и стоятъ въ зависимости отъ нихъ. Соотвѣтственно данному основному положенію. Контъ прежде всего дѣлитъ всѣ науки на абстрактныя и конкретныя. „Абстрактныя науки имѣютъ дѣло съ законами, управляющими элементарными фактами природы, съ законами, отъ которыхъ естественно должны зависѣть всѣ дѣйствительно осуществившіяся явленія, но которые равнымъ образомъ совмѣстимы со многими другими комбинаціями кромѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ данномъ случаѣ. Конкретныя науки, напротивъ, занимаются единственно частными комбинаціями явленій, открываемыхъ въ дѣйствительности. Абстрактныя науки занимаются отдѣльно каждымъ изъ законовъ, но разсматриваютъ каждый изъ нихъ во всѣхъ его видахъ, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ его дѣйствій; конкретныя же науки разсматриваютъ эти законы только въ дѣйствительно существующихъ ихъ соединеніяхъ въ дѣйствительныхъ предметахъ, подлежащихъ нашему наблюденію. Конкретныя науки имѣютъ дѣло съ существами или предметами, абстрактныя же съ явленіями. Такъ, напр. физика и химія, какъ науки абстрактныя, опредѣляютъ законы механической связи и химическаго соединенія, минерологія же, какъ наука конкретная, занимается аггрегаціями

и химическими соединеніями, образующимися или образовавшимися уже въ самой природѣ. Или, напр. физіологія, какъ наука абстрактная, раскрываетъ законы организаціи и жизни, т. е. опредѣляетъ, какія живыя существа возможны и поддерживаютъ явленія въ существахъ, попадающихся въ дѣйствительности; конкретныя же науки - зоологія и ботаника ограничиваются видами дѣйствительно существующими или существовавшими когда-либо". Сначала обыкновенно возникаютъ науки конкретныя, но онѣ не могутъ развиваться безъ абстрактныхъ, потому что, какъ говоритъ Милль [10]), „хотя мы можемъ дѣлать эмпирическія обобщенія, однако невозможно составить научную теорію конкретныхъ явленій, пока не будутъ узнаны законы, которые регулируютъ и объясняютъ ихъ,— а эти законы составляютъ предметъ абстрактныхъ наукъ". Въ силу этого Контъ оставляетъ въ сторонѣ науки конкретныя, тѣмъ болѣе что ни одна изъ нихъ не достигла еще положительной ступени развитія, и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на систематизаціи наукъ абстрактныхъ. Руководясь указаннымъ выше основаніемъ взаимнаго сочетанія или послѣдовательности законовъ явленій, въ силу котораго изученіе болѣе простыхъ явленій и ихъ законовъ должно служить основою изученія болѣе сложныхъ, Контъ дѣлитъ сначала всѣ естественныя явленія на двѣ группы: первая содержитъ въ себѣ явленія тѣлъ неорганическихъ, какъ болѣе простыя, вторая обнимаетъ собою болѣе сложныя, а потому зависящія отъ первыхъ явленія тѣлъ органическихъ. Поэтому сначала должно изучать физику неорганическую, а потомъ физику органическую. Слѣдуя тому же порядку

---

[10]) О. Контъ и Позитивизмъ Д. С Милль стр 34.

общности и зависимости явленій, физику неорганическую онъ дѣлитъ на физику небесную или астрономію, занимающуюся изслѣдованіемъ общихъ явленій міра, и земную, имѣющую своимъ предметомъ явленія земныхъ тѣлъ. Физика земная въ свою очередь распадается на механику, или физику въ собственномъ смыслѣ, и химію, такъ какъ земныя тѣла можно разсматривать съ точки зрѣнія механической или химической. Подобнымъ же образомъ физика органическая, какъ наиболѣе общая наука о явленіяхъ тѣлъ органическихъ, раздѣляется на физіологію или біологію и физику соціальную. Во главѣ всѣхъ этихъ наукъ стоитъ математика, какъ необходимое условіе при изученіи всѣхъ остальныхъ наукъ. „Такимъ образомъ, числовыя истины вѣрны относительно всѣхъ вещей и зависятъ единственно отъ своихъ собственныхъ законовъ. Поэтому наука чиселъ можетъ быть изучаема безъ всякаго отношенія къ какой-либо другой наукѣ. Истины геометріи предполагаютъ законы чиселъ и болѣе спеціальный классъ законовъ, свойственный протяженнымъ тѣламъ, но не требуютъ другихъ: геометрія, слѣдовательно, можетъ быть изучаема независимо отъ всѣхъ другихъ наукъ, кромѣ науки числа. Раціональная механика предполагаетъ законы чиселъ и протяженія и затѣмъ другой рядъ законовъ, именно—равновѣсія и движенія. Истины алгебры и геометріи никакимъ образомъ не зависятъ отъ этихъ послѣднихъ и остались бы вѣрны, даже еслибъ онѣ оказались прямо противоположны тому, что представляютъ теперь; но явленія равновѣсія и движенія не могутъ быть ни поняты, ни установлены безъ приложенія законовъ чиселъ и протяженія—въ томъ видѣ, какъ они существуютъ. Явленія астрономіи зависятъ отъ всѣхъ этихъ классовъ законовъ съ прибавленіемъ закона тяготѣнія, изъ которыхъ по-

слѣдній нимало не вліяетъ на истины чиселъ геометріи и механики. Физика предполагаетъ означенныя три математическія науки, а также астрономію, потому что всѣ явленія на землѣ подлежатъ вліянію движенія земли и небесныхъ тѣлъ. Химическія явленія зависятъ отъ всѣхъ предшествующихъ — между прочимъ и отъ законовъ физики—особенно же теплоты и электричества. Физіологическія явленія покоятся на законахъ физики и химіи съ присоединеніемъ своихъ собственныхъ. Явленія общественной жизни человѣка подчиняются своимъ особеннымъ законамъ, но не исключительно зависятъ отъ нихъ: они слѣдуютъ также законамъ органической и животной жизни, равно какъ и—неорганической природы. Эти послѣдніе дѣйствуютъ на общество не только путемъ вліянія на жизнь, но и путемъ опредѣленія физическихъ условій, среди которыхъ общество развивается“ [11]).

Мы пришли теперь къ тому заключенію позитивистовъ, что система положительныхъ эмпирическихъ наукъ содержитъ въ себѣ высшую доступную для насъ истину, и что единственно истинное знаніе есть знаніе положительно-научное. Поэтому въ умственномъ кругу все, неимѣющее положительно-научнаго характера, должно быть признано за произвольный личный вымыселъ. Всѣ понятія о безусловныхъ началахъ и сущностяхъ, о первыхъ производящихъ причинахъ и о причинахъ конечныхъ или цѣляхъ должны быть совершенно отвергнуты, какъ относящіяся къ области недоступной истинному, т. е. положительно-научному знанію. Вмѣсто сущностей—явленія, вмѣсто причинъ и цѣлей—законы явленій, вмѣсто отвлеченной умозрительной философіи—положительная наука. Но та-

---

[11]) О. Контъ и Позитивизмъ Д. С. Милль стр. 36.

кого, конечно съ точки зрѣнія позитивистовъ счастливаго, состоянія человѣческое знаніе достигло не вдругъ, а постепенно. Человѣчество, а съ нимъ и все образованіе должно было пережить и дѣйствительно пережило, согласно воззрѣнію Позитивизма, по крайней мѣрѣ двѣ важныя ступени въ своемъ поступательномъ движеніи, прежде чѣмъ могло оно достигнуть своего настоящаго состоянія. Ступени эти обнимаютъ собою такъ называемые у позитивистовъ теологическій и метафизическій періоды развитія человѣчества и служатъ лишь историческимъ подтвержденіемъ ихъ основнаго воззрѣнія на познаніе. Въ первый разъ ученіе о трехъ періодахъ развитія человѣчества было высказано и довольно подробно раскрыто основателемъ Позитивной философіи Огюстомъ Контомъ и съ тѣхъ поръ почти единодушно признается всѣми его послѣдователями, которые ставятъ открытіе такого важнаго закона, важнаго, разумѣется, съ своей точки зрѣнія, въ величайшую заслугу Конту. Сущность этого послѣдняго своеобразнаго мнѣнія Положительной философіи состоитъ въ слѣдующемъ.—

„Изучая всецѣло развитіе человѣческаго разума въ различныхъ отрасляхъ его дѣятельности, начиная отъ его перваго, самаго простаго начала до нашихъ дней, я думаю, говоритъ основатель Позитивизма, что открылъ великій основной законъ, которому онъ подчиненъ съ неизмѣнною необходимостію и который, кажется мнѣ, можетъ быть твердо обоснованъ, отчасти, на раціональныхъ доказательствахъ, которыя доставляетъ намъ познаніе нашей организаціи, отчасти на историческихъ данныхъ, вытекающихъ изъ внимательнаго изученія прошедшаго. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что *каждое* изъ нашихъ главныхъ понятій (conceptions principales), *каждая* вѣтвь нашихъ познаній *послѣдовательно* проходитъ чрезъ три различ-

ныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или фиктивное (l'état théologique ou fictif), состояніе метафизическое или отвлеченное (l'état métaphisique) и состояніе научное или положительное (l'état scientifique ou positif). Другими словами: духъ человѣческій по своей природѣ *послѣдовательно* употребляетъ въ *каждомъ* изъ своихъ изысканій три *метода* философствованія, которыхъ характеръ существенно различенъ и даже *положительно противоположенъ:* сначала *методъ теологическій,* потомъ *методъ метафизическій* и наконецъ *методъ позитивный.* Отсюда три рода философій или общихъ системъ понятій о совокупности явленій,—системъ, которыя *взаимно себя исключаютъ:* первая есть необходимая точка отправленія человѣческаго разума; третья—его состояніе твердое и опредѣленное; вторая предназначена служить переходомъ".

„Въ состояніи теологическомъ духъ человѣка, направляя кореннымъ образомъ свои изслѣдованія ко внутренней природѣ сущаго, къ первоначальнымъ и конечнымъ причинамъ всѣхъ дѣйствій, которыя его поражаютъ, однимъ словомъ, къ познаніямъ безусловнымъ, представляетъ себѣ явленія, какъ бы произведенными прямымъ и постояннымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ существъ болѣе или менѣе многочисленныхъ, произвольное вмѣшательство которыхъ изъясняетъ всѣ кажущіяся несообразности вселенной."

„Въ состояніи метафизическомъ, которое собственно есть простое, общее видоизмѣненіе перваго, сверхъ естественные дѣятели замѣняются неопредѣленными силами, истинными сущностями (entités)-олицетворенными отвлеченіями, присущими различнымъ существамъ міра и понимаемыми, какъ способныя производить сами собою всѣ наблюдаемыя явленія, изъясненіе которыхъ тогда состоитъ въ

томъ, что каждому предмету приписывается соотвѣтствующая сущность".

„Наконецъ въ состояніи позитивномъ духъ человѣка, признавая невозможнымъ достигнуть безусловныхъ понятій, отказывается изслѣдовать начало и назначеніе міра и изучать внутреннія причины явленій, но старается только, посредствомъ наблюденія и послѣдовательнаго разсужденія, открыть дѣйствующіе ихъ законы.... Такое направленіе ума есть окончательное и постоянное" [12]).

По мнѣнію Конта, этому закону послѣдовательной смѣны означенныхъ состояній подлежитъ не только общеисторическое умственное развитіе человѣчества, но также и развитіе единичнаго ума въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. „Каждый изъ насъ, говоритъ онъ, обращая вниманіе на свою собственную исторію, найдетъ, что онъ относительно наиболѣе важныхъ понятій бываетъ теологомъ въ дѣтствѣ, метафизикомъ въ періодъ юношескій и физикомъ въ зрѣломъ возрастѣ". Въ подтвержденіе своего ученія о трехъ періодахъ развитія человѣчества Контъ ссылается, съ одной стороны, на доказательства отъ разума, доставляемыя намъ „познаніемъ нашей организаціи", съ другой—на историческія данныя.

Сущность перваго основанія состоитъ въ томъ, что духъ человѣческій, по своей природѣ стремясь къ познанію, всегда нуждается для достиженія этой цѣли въ какой-бы-то-ни-было теоріи. Правда, „всѣ великіе умы, замѣчаетъ Контъ, начиная съ Бэкона, утверждаютъ, что истинное знаніе только то, которое основывается на внѣшнемъ опытѣ", но это, по его мнѣнію, справедливо толь-

---

[12]) Aug. C. Cours de philosophie positive, par. 1830 T. 1, p. 3—5.

ко относительно „зрѣлаго состоянія человѣческаго разума и рѣшительно недостовѣрно относительно его первичнаго состоянія: въ своемъ начальномъ состояніи человѣческій умъ не могъ и не долженъ былъ такъ мыслить, потому что, если, съ одной стороны, всякая положительная теорія должна быть основана на наблюденіяхъ (какъ это утверждаютъ Бэконъ и другіе подобные ему мыслители), то столь же ясно съ другой стороны, что для правильнаго наблюденія умъ человѣческій нуждается въ какой-нибудь теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, если, разсматривая явленія, мы не относили бы ихъ къ какому-нибудь началу, намъ не только было бы невозможно связать наши отдѣльныя наблюденія и такимъ образомъ вывести изъ нихъ какое-бы-то-ни было слѣдствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не въ состояніи были бы даже усвоить ихъ, и по бо́льшей части важные факты остались бы неразработанными. Такимъ образомъ, понуждаемый съ одной стороны необходимостью наблюдать—для составленія дѣйствительной теоріи (которою бы можно было руководиться въ дѣлѣ опытнаго познанія), а съ другой—не менѣе сильною необходимостію создавать себѣ какую-либо теорію для произведенія послѣдовательныхъ наблюденій,—умъ человѣческій при самомъ началѣ явился бы заключеннымъ въ логическій кругъ, изъ котораго онъ никогда не имѣлъ бы средствъ выйдти, еслибы къ счастію онъ не открылъ себѣ естественнаго исхода чрезъ произвольное (spontané) развитіе теологическихъ представленій, которыя дали твердую опору его усиліямъ и силу его дѣятельности. Таково основное побужденіе, которое вѣрно опредѣляетъ необходимость характера первой теологіи и метафизики“ [13]). Такимъ образомъ, теологическій, а за нимъ

[13]) Ibid. p. 8—9.

и метафизическій періоды развитія человѣчества являются слѣдствіемъ стремленія человѣческаго духа къ знанію, стремленія, лежащаго, по выраженію Конта, въ „человѣческой организаціи“. Въ этомъ то смыслѣ Контъ и говоритъ, что „духъ человѣческій, по своей природѣ, послѣдовательно употребляетъ въ каждомъ изъ своихъ изысканій“ три существенно противоположные метода философствованія: сначала теологическій, затѣмъ метафизическій и наконецъ позитивный.

Втораго рода доказательства, представляемыя Контомъ въ пользу своей теоріи, это „историческія данныя, вытекающія изъ внимательнаго изслѣдованія прошедшаго“. Эти данныя Контъ находитъ въ исторіи человѣчества вообще, въ исторіи образованія отдѣльныхъ народовъ въ частности, наконецъ въ исторіи каждой частной науки. По его мнѣнію, вся первобытная исторія человѣчества представляетъ собою поразительное господство теологическаго міровоззрѣнія. „Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Контъ [14]), что вопросы, рѣшительно недоступные для нашихъ средствъ—внутренняя природа бытія вещей, начало и конецъ всѣхъ явленій—суть именно такіе, на которые разумъ больше всего напрашивается въ своемъ первобытномъ состояніи“. Въ частности Контъ различаетъ три послѣдовательныя ступени въ теологическомъ періодѣ человѣческаго развитія: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Фетишизмъ составляетъ основаніе теологическаго періода въ его начальной простотѣ; въ немъ мы встрѣчаемся съ первой попыткой отправленія человѣческаго разума отъ извѣстнаго, т. е. сознанія къ неизвѣстному, т. е. фетишу—богу; въ немъ все служило для человѣка богомъ,

---

[14]) Ibid. p. 9.

кромѣ самого Бога. Никогда, по мнѣнію Конта, религіозный духъ не препятствовалъ такъ сильно всякому истинно-научному духу, какъ мѣшалъ онъ ему въ этомъ начальномъ періодѣ, даже относительно простѣйшихъ явленій. Человѣкъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ своихъ религіозныхъ представленій; онъ всюду слѣдовалъ имъ, онъ смотрѣлъ на природу, какъ на какое-то особое мѣсто, гдѣ произвольныя желанія и минутныя прихоти верховныхъ существъ разыгрываютъ свои разнообразныя и измѣнчивыя дѣйствія. Необыкновенныя случайности устрашаютъ людей, и послѣдніе видятъ въ нихъ какое-либо чудо. Стремясь къ совершеннѣйшему знанію, люди временъ фетишизма пріобрѣтали его тогда, когда, по выраженію Конта, „видимое дѣйствіе всякаго существа подчиняли разнообразной игрѣ безчисленныхъ самостоятельныхъ существъ, которыя и являлись первоначальными виновниками всякаго явленія, всякаго дѣйствія“. Въ силу этого мысль о постоянныхъ законахъ рѣшительно не могла явиться въ этотъ первоначальный періодъ развитія человѣчества, потому что, еслибы она явилась, ее тотчасъ бы отвергли, какъ вовсе несовмѣстимую *съ теологическимъ методомъ*, объяснявшимъ, какъ выше сказано, всякое явленіе произволомъ соотвѣтствующаго фетиша. Но если фетишизмъ оказалъ столь сильно гнетущее дѣйствіе въ научномъ отношеніи, за то онъ благопріятствовалъ развитію другихъ сторонъ человѣческой дѣятельности. Одухотворяя всю природу, фетишизмъ тѣмъ самымъ способствовалъ развитію воображенія, которому поэтому тогда необходимо принадлежало господство. Благодаря этому, въ періодъ фетишизма получили свое начало всѣ изящныя искусства, не исключая даже и поэзіи. Къ этому же періоду слѣдуетъ отнести и начало промышленности. „Промышленность, говоритъ

Льюисъ [15]), обязана фетишизму первыми указаніями самыхъ сильныхъ ея орудій—соединеніемъ человѣка съ животными, способными подчиняться его владычеству, постояннымъ употребленіемъ огня и примѣненіемъ механическихъ силъ. Торговля въ собственномъ смыслѣ находитъ здѣсь свое первое отличительное побужденіе—въ изобрѣтеніи денегъ. Однимъ словомъ, здѣсь необходимо признать начало почти всѣхъ промышленныхъ искусствъ и функцій". Объясняя далѣе причину такого благопріятнаго воздѣйствія фетишизма на указанныя отрасли человѣческой дѣятельности, Льюисъ говоритъ: „Фетишизмъ въ высокой степени обладаетъ важнымъ качествомъ, присущимъ теологической системѣ: онъ благопріятствуетъ первымъ усиліямъ человѣческой дѣятельности посредствомъ обольщеній, которыя внушаетъ насчетъ верховнаго человѣка. Дѣйствительно, весь міръ долженъ явиться ему подчиненнымъ, пока не будетъ открыта неизмѣнность законовъ природы. Хотя понятія объ этой верховности нельзя было тогда достигнуть безъ божественнаго вмѣшательства, но очевидно, что постоянное чувство этого верховнаго покровительства было въ высшей степени способно возбуждать и поддерживать дѣятельную энергію человѣка" [16]). Вотъ почему съ точки зрѣнія Позитивизма даже простѣйшія гигіеническія правила, какъ постоянное употребленіе одежды, могли быть сначала введены только подъ прикрытіемъ авторитета религіозныхъ предписаній.

Фетишизму въ историческомъ развитіи человѣчества въ періодъ теологическій наслѣдовалъ политеизмъ. Онъ былъ вызванъ поступательнымъ

---

[15]) Въ цитованномъ выше сочиненіи стр. 300.

[16]) Ibid. p. 301.

движеніемъ научнаго духа. Незамѣтно развившееся объединеніе разнообразныхъ наблюденій надъ человѣчествомъ повело къ такому же объединенію и въ соотвѣтствующихъ теологическихъ представленіяхъ. Такимъ образомъ было подмѣчено существенное тождество извѣстныхъ явленій, а въ силу этого возникла необходимость слить во едино и соотвѣтствующихъ послѣднимъ фетишей. „Когда, напр. одинаковый ростъ различныхъ деревьевъ дубоваго лѣса привелъ людей къ обобщенію этого явленія, то прежніе фетиши каждаго отдѣльнаго дубоваго дерева слились въ новое существо, которое и получило названіе бога лѣса.“ Отсюда, боги отличаются отъ чистыхъ фетишей своимъ болѣе общимъ характеромъ. „Тогда какъ фетишъ представлялся вещественною личностью подъ образомъ какого—либо отдѣльнаго предмета, которымъ онъ только и обладалъ и съ которымъ былъ неразлученъ, боги, напротивъ, являются болѣе отвлеченными существами, мѣстожительство которыхъ уже нельзя опредѣлить съ точностію, и которые завѣдуютъ уже цѣлымъ особеннымъ рядомъ явленій, такъ что каждому изъ нихъ принадлежитъ своя собственная довольно обширная область“. Такое преобладаніе общихъ понятій надъ частными, выразившееся въ созданіи боговъ, замѣнившихъ собою прежнихъ фетишей, вызванное научнымъ развитіемъ, въ свою очередь способствовало развитію мыслительной дѣятельности: оно опредѣлило основную связь между идеями и, благодаря этому, направило людей къ философскому размышленію. Описывая нравственное и общественное значеніе политеизма, Льюисъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Никогда съ тѣхъ поръ человѣческія идеи не имѣли, даже въ подходящей степени, того великаго характера-единства въ методѣ и однородности въ ученіи, который составляетъ абсолютно

нормальное состояніе нашего ума. Тогда онѣ сами собою приняли этотъ характеръ подъ свободнымъ и единообразнымъ владычествомъ теологической системы, провозглашавшей себя непосредственнымъ источникомъ всего, ко всему прилагая свои религіозныя представленія. Только еще болѣе чистое и универсальное преобладаніе Положительной философіи можетъ въ приближающемся будущемъ осуществить это основное свойство, и на этотъ разъ уже гораздо совершеннѣе и прочнѣе“ [17]). Обобщенныя, такъ сказать, въ одну философскую систему религіознаго содержанія, идеи политеизма дали основу первоначальному развитію духа наблюденія и вызвали первые проблески наведенія. Анатомія, напр. почерпнула свой первый матеріалъ изъ открытій при внимательномъ разсматриваніи печени, сердца и легкихъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву; астрологическія фантазіи вызвали и потомъ долго поддерживали охоту къ астрономическимъ наблюденіямъ. Политеизмъ далъ толчекъ и изящнымъ искусствамъ. Получивъ свое начало и довольно широкое развитіе еще во времена фетишизма, послѣднія въ періодъ политеизма достигаютъ своего высшаго развитія. Наконецъ политеизмъ вызвалъ учрежденіе правильнаго богослуженія и отдѣльнаго священства, которыя способствовали соединенію разрозненныхъ семействъ въ одно общество и такимъ образомъ положили начало связной и прочной общественности. Общественная дѣятельность была преимущественно военная, благодаря чему различныя второстепенныя племена мало-по-малу подчинялись одному главному и такимъ образомъ возникали цѣлыя государства, которыя постепенно оставляли войны и

---

[17]) Ibid. p. 304.

обращались къ жизни промышленной. Послѣдняя, можно сказать, составляетъ характеристическую особенность третьей ступени теологическаго періода-монотеизма. Въ эпоху монотеизма вмѣсто множества отвлеченныхъ божествъ является одно высочайшее существо. надѣленное всевозможными совершенствами; оно одно надъ всѣмъ владычествуетъ, всѣмъ оно управляетъ, а потому всѣ явленія объясняются, какъ слѣдствія свободнаго дѣйствія этого высочайшаго существа. Впрочемъ, объясненіе явленій въ періодъ монотеизма отличается болѣе отвлеченнымъ характеромъ: разсудокъ беретъ перевѣсъ надъ господствовавшимъ въ фетишизмѣ и политеизмѣ воображеніемъ; отсюда, монотеизмъ является естественнымъ переходомъ отъ теологическаго состоянія человѣчества къ его состоянію метафизическому.

Этотъ второй періодъ развитія человѣчества въ существенномъ сходенъ съ первымъ и, въ свою очередь, служитъ лишь посредствующимъ звеномъ между теологическимъ и позитивнымъ состояніями человѣческаго образованія. Люди въ періодъ метафизическій поставляютъ своею главною задачею проникнуть въ тайны вселенной и узнать свои отношенія ко внѣшней природѣ. Въ этомъ случаѣ въ метафизическомъ періодѣ замѣчается несравненно большая самостоятельность при объясненіи вещей, но весь его недостатокъ—въ томъ, что онъ чуждается доказательствъ и занимается предметами, недоступными для познанія. Въ метафизическую эпоху человѣческой образованности представленіе о прихотливыхъ божествахъ, служившихъ единственными причинами всевозможныхъ измѣненій явленій міра въ періодъ теологическій, совершенно отвергается и замѣняется представленіями отвлеченныхъ сущностей, образъ дѣйствія которыхъ однако неизмѣненъ, такъ что въ этомъ признаніи

неизмѣнности кроется зародышъ имѣющаго вскорѣ наступить позитивнаго воззрѣнія на неизмѣняемость законовъ явленій. Примѣрами метафизическаго воззрѣнія служатъ, напр. мнѣнія, что „природа не терпитъ пустоты, органическія существа имѣютъ жизненное начало, матерія имѣетъ силу инерціи—vim inertiae“ и т. п. Послѣдній предѣлъ метафизической системы состоитъ, по выраженію Конта, „въ принятіи, вмѣсто различныхъ частныхъ сущностей, одной общей природы, разсматриваемой—какъ единственное начало всѣхъ явленій.“ Метафизическій періодъ обнимаетъ новую исторію человѣческаго развитія, и слѣды его не изгладились и до настоящаго времени; тѣмъ не менѣе новѣйшая образованность является выраженіемъ позитивнаго состоянія человѣчества.

Въ настоящее время также, какъ это было и въ періодъ метафизическій, замѣтно стремленіе проникнуть въ тайны внѣшней природы, только теперь стараются постигнуть не сущности и причины окружающаго міра, но ограничиваются лишь раскрытіемъ законовъ, управляющихъ послѣдовательностію явленій. Отсюда, положительный періодъ, современный намъ, объясняетъ явленія законами, основанными на очевидной и безспорной достовѣрности; законы эти не только доказательны для разума, но и согласны съ дѣйствительностію; отсюда, отличительная черта науки нашего времени заключается въ томъ, что она постигаетъ и предвидитъ. Такого рода характеромъ отличаются всѣ положительныя науки и потому *имъ* принадлежитъ теперь исключительное значеніе, а не какой-либо теологіи или метафизикѣ, которыя всегда стремились къ невозможному и которыя теперь должны быть безусловно отвергнуты, какъ совершенно безполезныя и даже вредныя въ общемъ развитіи человѣчества. Своимъ продолжительнымъ

господствомъ послѣднія только задерживали успѣхъ человѣчества, удаляя людей отъ природы и наводя на нихъ какое-то сонливое состояніе. Такое состояніе теперь мало-по-малу исчезаетъ, и Положительная наука снова возвращаетъ людей въ бодрственное состояніе, приближая ихъ къ окружающему міру. При посредствѣ ея люди также стремятся къ знанію, но только къ знанію возможному и истинному, т. е. положительному, которому съ этихъ поръ уже навсегда будетъ принадлежать рѣшительное значеніе. При помощи послѣдняго рода знаній, люди могутъ свободно опредѣлять и будущее. Положительная наука открыла, напр. законы солнечнаго затменія и безошибочно его предсказываетъ. „Наше предвидѣніе явленій, говорятъ позитивисты, и вся наша власть надъ ними зависятъ отъ знанія ихъ послѣдовательности, а вовсе не отъ тѣхъ понятій, какія мы можемъ составить относительно ихъ происхожденія или ихъ внутренней природы. Мы предвидимъ фактъ или событіе при посредствѣ другихъ фактовъ, которые служатъ его признаками, такъ какъ опытъ обнаружилъ, что они всегда предшествуютъ данному факту. Всякій фактъ, кромѣ нашихъ мускульныхъ сокращеній, мы совершаемъ посредствомъ какихъ либо сторонніхъ фактовъ, которыхъ тотъ, какъ намъ извѣстно по опыту, является слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, всякое предвидѣніе, всякое разумное дѣйствіе возможно было только по той мѣрѣ, на сколько успѣшно удавалось людямъ установить послѣдовательность явленій. Ни предузнаніе, ни знаніе не можетъ быть пріобрѣтено другими путями“ [18]). Отсюда ясно, что въ послѣднемъ положительномъ періодѣ люди смотрятъ на при-

---

[18]) О. Контъ и Позитивизмъ Д. С. Милль стр. 8—9

роду съ той точки зрѣнія, съ какой она имъ представляется, не выходя изъ области фактовъ и не пускаясь въ фантастическія предположенія сущностей. „Встарину полагали, говоритъ Эрстедъ, что василиски жили въ давно заброшенныхъ погребахъ, ихъ не было видно, но они взглядомъ своимъ убивали человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали, что вредный воздухъ, который производитъ броженіе, по своей тяжести скопляется въ низкихъ мѣстахъ, мы уже не удивляемся разрушающему дѣйствію и прогоняемъ его свѣжимъ воздухомъ. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ двухъ міровоззрѣній— метафизическаго и положительнаго: одно ищетъ объясненія въ невидимой сущности, другое—въ извѣстныхъ законахъ процессовъ природы“ [19]). „Совершенство же Позитивной системы, говоритъ Контъ, будетъ состоять въ возможности представить себѣ всѣ различныя наблюдаемыя явленія, какъ частные случаи одного общаго факта, каково, напр. тяготѣніе“ [20]). Къ этому и стремятся всѣ частныя положительныя науки, хотя каждая изъ нихъ, прежде чѣмъ успѣла достигнуть своего теперешняго состоянія, подобно всему человѣчеству, исторически пережила три указанныя ступени развитія. „Нѣтъ такого знанія, замѣчаетъ Контъ [21]), достигшаго въ настоящее время Позитивнаго состоянія, которое не могъ бы легко представить себѣ каждый въ прошедшемъ существенно состоявшимъ изъ метафизическихъ отвлеченій, а еще раньше изъ всецѣло господствовавшихъ теологическихъ понятій“. „Въ астрономіи, говоритъ Льюисъ [22]),

---

[19]) О. Контъ и Положительная философія Р. Льюисъ, стр. 34—35.

[20]) Aug. C. Cours de philosophie positive, par 1830. T. I, p. 6.

[21]) Ibid. p. 7.

[22]) Ibid. p. 82.

превосходно выражается теологическое стремленіе истолковывать всѣ явленія по человѣческимъ аналогіямъ, метафизическое стремленіе разсуждать, вмѣсто того чтобы наблюдать, замѣнять прямое наблюденіе факта какимъ-нибудь логическимъ выводомъ, и наконецъ, положительное стремленіе ограничивать изслѣдованіе доступными предметами и отвергать, какъ нелѣпое, всякое сверхъестественное объясненіе". „Въ исторіи астрономіи, говоритъ онъ въ другомъ своемъ произведеніи [23]), мы видимъ постепенный переходъ отъ Аполлона и его колесницы, отъ Пиѳагорейскихъ доктринъ и другихъ метафизическихъ отвлеченностей къ теперешней ея твердой основѣ—къ закону тяготѣнія. Теперь мы проникаемъ въ тайну сферъ посредствомъ геометріи и динамики, а не посредствомъ умопоставленій бога—солнца. Точно тоже мы видимъ и въ физикѣ: громъ былъ дѣломъ Юпитера, природа „боялась пустоты",—а теперь наука изслѣдуетъ законы притяженія, электричества, свѣта и пр." Физика, по мнѣнію Конта, сдѣлала рѣшительный шагъ къ отчужденію отъ метафизики и приняла положительный характеръ только послѣ великихъ открытій Галилея о паденіи тяжелыхъ тѣлъ.

Такимъ образомъ, историческое развитіе, какъ всего человѣчества вообще, такъ и каждой частной науки въ отдѣльности, всецѣло подтверждая Контовскій законъ трехъ періодовъ, въ тоже время показываетъ намъ, какъ постепенно разсѣявался мракъ предразсудковъ и фантастическихъ представленій, возникшихъ въ самую начальную пору жизни человѣчества, и какъ послѣднее шагъ-за-шагомъ шло къ свѣту истиннаго знанія, пока наконецъ въ послѣднее время не достигло, хотя еще

---

[23]) Исторія философіи, стр. 807.

далеко неполнаго, тѣмъ не менѣе совершенно истиннаго убѣжденія, что единственно доступная нашему изслѣдованію область есть область явленій съ ихъ законами, что поэтому единственнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ знаній служитъ внѣшній опытъ и что существенный методъ изслѣдованія состоитъ въ индукціи. Слѣдовательно, ученіе позитивистовъ о трехъ фазисахъ человѣческаго развитія является, какъ и было замѣчено выше, новымъ, такъ сказать, историческимъ доказательствомъ ихъ основнаго воззрѣнія на познаніе. Послѣ всего этого можно, кажется, согласиться съ нашимъ основнымъ положеніемъ, что сущность Позитивизма состоитъ въ эмпиризмѣ и при томъ эмпиризмѣ феноменальномъ, а потому мы можемъ теперь опредѣлить Позитивизмъ, какъ такое философское направленіе, основную и существенную черту котораго составляетъ признаніе, какъ безусловно-истинной, теоріи феноменальнаго эмпиризма и приложеніе этой послѣдней къ изученію и изъясненію всей области сущаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этимъ мы и закончимъ свое изложеніе ученія Позитивизма и перейдемъ далѣе къ его критическому изслѣдованію.

III.

Существенное положеніе Позитивизма состоитъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что нашему познанію доступны только явленія съ ихъ постоянными законами и что l'être en soi—сущее въ себѣ, какъ дѣйствительная основа явленій, есть по природѣ своей нѣчто непознаваемое. Это утвержденіе основывается на томъ предположеніи, что всѣ наши познанія ограничиваются лишь внѣшними—реальными предметами съ ихъ свойствами, что все наше знаніе есть только знаніе объективное, такъ

что мы можемъ познавать только то, что дано намъ во внѣшнемъ опытѣ, и при томъ на столько, на сколько внѣшній объектъ способенъ оказывать на насъ свое дѣйствіе. Поэтому, когда позитивисты утверждаютъ, что нашему познанію доступны только явленія, а не истинно-сущее, то это значитъ, что истинно-сущее по самому существу своему не можетъ быть предметомъ внѣшняго опыта, что совершенно справедливо, потому что внѣшній опытъ показываетъ намъ одни явленія, т. е. разнообразныя дѣйствія вещей на наши чувства. Но отсюда никоимъ образомъ еще не слѣдуетъ того заключенія, что истинно-сущее только потому, что оно не есть предметъ внѣшняго опыта, безусловно непознаваемо. Уже въ одномъ этомъ положеніи лежитъ глубокое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, если истинно-сущее дѣйствительно безусловно непознаваемо, то, очевидно, совершенно невозможно и говорить о безусловно-непознаваемомъ, какъ о дѣйствительно существующемъ. Если же позитивисты утверждаютъ, что истинно-сущее совершенно непознаваемо, не смотря на свое существованіе, то этимъ самымъ они допускаютъ уже нѣкоторую познаваемость того, что сами же считаютъ рѣшительно непознаваемымъ, познаваемость, состоящую въ томъ, что во-первыхъ, истинно-сущее есть, существуетъ, какъ дѣйствительная основа явленій, и что во-вторыхъ, оно непознаваемо. Такъ, напр. Гербертъ Спенсеръ, говоря, что истинно-сущее нельзя узнать никакимъ образомъ и ни въ какой степени, прибавляетъ въ скобкахъ: „въ строгомъ смыслѣ слова—знаніе“, какъ-бы намекая этимъ, что въ нестрогомъ смыслѣ слова—знаніе истинно-сущее познаваемо. Съ другой стороны, утверждая познаваемость явленій съ ихъ законами и отрицая истинно-сущее, какъ предметъ нашего знанія, позитивисты, очевидно, полагаютъ между тѣми и дру-

гимъ безусловную отдѣльность, недопускающую никакого общенія; между тѣмъ это предположеніе не только не имѣетъ за собою никакого основанія, но есть просто contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе есть то, что существуетъ въ другомъ и для другаго; поэтому всякое явленіе есть бытіе относительное, обусловленное тѣмъ, чего служитъ оно явленіемъ, что, слѣдовательно, само въ себѣ и для себя, что составляетъ основу, сущность явленія; безъ этой основы или сущности явленіе теряетъ свой характеръ явленія, иначе чего же бы оно было тогда явленіемъ? Въ свою очередь и сущность, какъ такая—безъ явленія немыслима, потому что чего же бы она была сущностью? Слѣдовательно, между явленіемъ и его основою—сущностью существуетъ внутренняя, неразрывная связь. Эта послѣдняя должна имѣть дѣйствительное значеніе, а не отвлеченное только, потому что самыя явленія, а слѣдовательно, и ихъ основаніе, сущность имѣютъ дѣйствительное бытіе. Если поэтому мы можемъ познавать явленія, какъ это утверждаютъ позитивисты, то, очевидно, познавая явленія, мы тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ и степени познаемъ и то, обнаруженіемъ чего служатъ данныя явленія, слѣдовательно, познаемъ истинно-сущее.

Такимъ образомъ, путемъ краткаго критическаго замѣчанія на положеніе Позитивизма, что сущность вещей непознаваема, мы пришли къ совершенно противоположному выводу. Но мы также замѣтили, что это l'être en soi—какъ дѣйствительная основа явленій, не можетъ быть предметомъ внѣшняго опыта. Въ самомъ дѣлѣ, во внѣшнемъ опытѣ истинно-сущее проявляется ненепосредственно, а обусловливается и опредѣляется, съ одной стороны, опытными свойствами нашихъ внѣшнихъ чувствъ, съ другой—прирожденными формами нашего разсудка, дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ

которыхъ истинно-сущее является, какъ внѣшній или вещественный предметъ, а слѣдовательно, и не познается въ своей внутренней сущности. Если же истинно-сущее не можетъ быть познано чистымъ путемъ внѣшняго опыта и если въ тоже время оно не можетъ быть совершенно непознаваемо, то, очевидно, оно можетъ быть познано какимъ-либо другимъ путемъ. Этотъ послѣдній и состоитъ въ такъ называемомъ самонаблюденіи или опытѣ внутреннемъ, несправедливо отвергнутомъ позитивистами. Дѣйствіе познанія во внутреннемъ опытѣ истинно-сущаго основывается на соотвѣтствіи между нашимъ мышленіемъ и бытіемъ внѣшнимъ и приблизительно состоитъ въ слѣдующемъ. Изслѣдуя область дѣйствительно—сущаго, мы замѣчаемъ въ ней безчисленное разнообразіе явленій, причемъ необходимо предполагаемъ лежащую въ ихъ основаніи дѣйствительную сущность, какъ внутреннюю ихъ природу; съ другой стороны, мы обобщаемъ данныя явленія и въ своихъ внутреннихъ формальныхъ законахъ. Отсюда у насъ являются два единства: одно предполагаемое реальное, лежащее въ основаніи явленій, другое логическое, связующее эти явленія въ самомъ нашемъ мышленіи. Если оба эти единства соотвѣтствуютъ другъ другу, мы смѣло можемъ сказать, что знаемъ истинно-сущее, потому что мы знаемъ сущность единства логическаго, такъ какъ послѣднее есть наше собственное, неотдѣлимое отъ насъ состояніе. Но сравнить единство реальное съ своимъ собственнымъ единствомъ логическимъ мы можемъ только на столько, на сколько первое познается въ явленіяхъ, потому что само по себѣ непосредственно оно не дается намъ. Въ явленіяхъ же внутреннее единство выражается въ законѣ, который и служитъ связующимъ началомъ явленій. Отсюда, чтобы узнать, соотвѣтствуетъ-ли единство реальное нашему собственному единству

логическому, стоитъ только сравнить законы явленій, выражающіе единство или сущность реальнаго, съ нашими законами логическими, познающими явленія. Этого мы вполнѣ можемъ достигнуть, потому что, какъ законы явленій, такъ и законы нашего разума доступны нашему изслѣдованію: первые мы познаемъ путемъ опыта, послѣдніе-умозрѣніемъ. И дѣйствительно, сравнивая законы нашего мышленія съ законами явленій, мы находимъ между ними полное соотвѣтствіе. Такъ, напр. въ математическихъ вычисленіяхъ мы руководствуемся исключительно законами нашего мышленія, а между тѣмъ эти вычисленія, если только они логически правильно произведены, непремѣнно совпадаютъ съ фактами внѣшняго опыта, такъ что, благодаря именно этому, и сдѣланы довольно значительныя открытія, напр. въ области астрономіи. Или, напр. законы мышленія требуютъ, чтобы въ основаніи вещества, являющагося во внѣ въ разнообразіи, лежало нѣчто единое, всегда себѣ тождественное; химія путемъ многочисленныхъ опытовъ и приводитъ насъ къ такому понятію о веществѣ, которое, вступая въ соединеніе съ другими, теряетъ бо́льшую часть своихъ признаковъ и иногда получаетъ совершенно другой видъ, а между тѣмъ остается всетаки тождественнымъ съ собою, что доказывается постоянствомъ вѣса и возможностью возвращенія въ первоначальное состояніе. Но если это такъ, если дѣйствительно законы явленій совпадаютъ съ законами нашего разума, то, понятно, мы можемъ познавать внутреннюю основу или существо вещей, потому что можемъ познавать непосредственно во внутреннемъ опытѣ соотвѣтствующіе имъ законы разума. Въ этомъ, такъ сказать, существенномъ источникѣ нашего познанія мы имѣемъ непредставляемое или предметы, а самую дѣйствительность потому, что, сознавая самихъ

себя, свои внутреннія состоянія, свое мышленіе, мы не относимся здѣсь къ какому-нибудь внѣшнему и потому непознаваемому въ своей сущности предмету, но наши мысли—въ самомъ же сознаніи и потому являются намъ въ своей дѣйствительности. Правда, Контъ возражаетъ противъ самонаблюденія, что „мыслящій субъектъ не можетъ раздѣляться на двое такъ, чтобы одинъ размышлялъ, а другой разсматривалъ его во время размышленія“, но уже Милль нашелъ это основаніе недостаточнымъ, потому что, какъ говоритъ онъ, „факты, которые происходятъ въ духѣ, могутъ быть изучаемы и не въ самый моментъ ихъ воспріятія, а въ моментъ, который за нимъ слѣдуетъ, и когда память о нихъ свѣжа“. Съ другой стороны,— психологически доказано, какъ несомнѣнный фактъ, то положеніе, что мы можемъ имѣть сознаніе не только о болѣе чѣмъ одномъ впечатлѣніи, но можемъ и даже неизбѣжно должны и обращать свое вниманіе на наши душевныя состоянія, на наши мысли и желанія въ самый моментъ ихъ перваго присутствія въ нашемъ сознаніи, если только желаемъ пріобрѣсти какое-бы-то-ни-было познаніе, потому что самый актъ познанія заключается въ саморазличеніи субъекта познающаго отъ его собственныхъ состояній. Такимъ образомъ, недоступная нашему познанію сущность или основа вещей во внѣшнемъ опытѣ становится доступною намъ въ опытѣ внутреннемъ, въ которомъ она отражается подобно своду неба въ зеркальной поверхности океана. При этомъ конечно очевидно, что наше познаніе сущности „не можетъ, скажемъ словами Соловьева [23]), содержать это сущее въ самомъ его подлинномъ бытіи или матеріально, также какъ

---

[23]) Критика отвлеченныхъ началъ, стр. 384.

изображеніе въ зеркалѣ не содержитъ въ себѣ матеріально изображаемаго предмета, ибо тогда они были бы тождественны и не было бы уже изображенія. Но какъ этотъ образъ въ зеркалѣ тѣмъ не менѣе даетъ намъ истинное представленіе о самомъ предметѣ, поскольку онъ можетъ быть отраженъ, т. е. въ его формѣ, такъ точно и наше познаніе, хотя не можетъ обнимать метафизическое существо въ его внутренней дѣйствительности или субъективномъ содержаніи, тѣмъ не менѣе можетъ и должно быть адэкватнымъ отраженіемъ этого существа въ его формѣ или объективномъ содержаніи, которое есть ничто иное, какъ обнаруженіе или бытіе для другаго той внутренней сущности, недоступной въ себѣ самой". Отсюда и настоящая личность, „сознаніемъ которой по Герберту Спенсеру обладаетъ каждый и существованіе которой есть для каждаго фактъ наиболѣе достовѣрный и познаніе которой однако не допускается самой природой мышленія",—эта наша духовная сущность на самомъ-то дѣлѣ, въ дѣйствительности выражается и познается во внутреннемъ опытѣ, въ единствѣ самосознанія, которое и есть дѣйствительное я, хотя оно и не есть всецѣлая дѣйствительность, а только нѣкоторое непосредственное проявленіе истинно-сущаго. Послѣ этого само собою падаетъ и то положеніе Позитивизма, что единственнымъ источникомъ нашего познанія служитъ опытъ внѣшній. Впрочемъ, нельзя не отдать Позитивизму дань справедливости за то, что, признавши единственнымъ источникомъ нашего познанія опытъ внѣшній, онъ ограничилъ всю область познаваемаго въ немъ одними явленіями съ ихъ неизмѣнными отношеніями, состоящими въ постоянномъ сходствѣ, связующемъ нѣсколько явленій, и той или другой постоянной послѣдовательности, ставящей ихъ въ опредѣленный порядокъ — то

какъ предыдущія, то какъ послѣдующія въ отношеніи другъ къ другу. Дѣйствительно, во внѣшнемъ опытѣ, какъ было замѣчено и выше, мы и можемъ познавать только разнообразныя дѣйствія предметовъ на наши чувства. т. е. явленія и устанавливать между ними извѣстныя отношенія, такъ что, согласно съ Контомъ, все изъясненіе фактовъ внѣшняго опыта состоитъ въ установленіи между ними извѣстнаго рода связи. Въ достиженіи этой цѣли мы во внѣшнемъ опытѣ и руководствуемся преимущественно опытнымъ методомъ или индукціею, такъ что и въ этомъ случаѣ Позитивизмъ оказалъ немалую услугу, установивши на прочныхъ началахъ въ дѣлѣ чисто эмпирическаго познанія вполнѣ свойственный этому послѣднему методъ опытный, которымъ всегда и необходимо главнымъ образомъ пользуются всѣ науки опытныя. Но главная ошибка Позитивизма въ томъ, что, при рѣшеніи вопроса о познаніи, онъ не обратилъ должнаго вниманія на субъективную сторону знанія, а потому и все содержаніе нашего знанія ограничилъ лишь внѣшнимъ опытомъ, произвольно отвергши столь же важный источникъ познанія—опытъ внутренній. Вслѣдствіе этого онъ и пришелъ къ тому, какъ мы видѣли, совершенно ложному выводу, что мы познаемъ только явленія и рѣшительно не можемъ познавать никакой сущности. Отсюда же проистекаютъ и тѣ многочисленныя противорѣчія, которыми полна Позитивная теорія феноменальнаго эмпиризма. Отвергая всякое стремленіе къ познанію первыхъ и конечныхъ причинъ (causes finales), исключая изъ области Положительной философіи все выходящее изъ границъ внѣшняго опыта, позитивисты въ то же время приходятъ къ понятіямъ чисто метафизическаго характера: они постоянно говорятъ въ безусловномъ смыслѣ о неизмѣняемости и всеобщности за-

коновъ природы (Милль), о вѣчности и безконечности міра (Литтре), хотя никакой опытъ не даетъ подобныхъ безусловныхъ опредѣленій. Не отрицая бытія міра сверхчувственнаго, причинъ и законовъ невещественныхъ и считая ихъ только недоступными нашему познанію, они вмѣстѣ съ тѣмъ приписываютъ всеобщую силу и значеніе только причинамъ и законамъ физическимъ, которыми занимаются сами, представляя тѣмъ самымъ невещественные законы и причины чѣмъ-то безсмысленнымъ и безсодержательнымъ. „Нужно признать, говоритъ Гоготскій [24]) и говоритъ совершенно справедливо, нужно допустить одно изъ двухъ: или, если мы ограничиваемся рядомъ относительныхъ, вещественныхъ причинъ, не слѣдуетъ придавать имъ универсальное значеніе, когда сами же утверждаемъ, что есть и сфера недоступныхъ намъ причинъ,— или наоборотъ, если мы серьезно признаемъ, что причины и законы невещественные входятъ въ наше сознаніе, что въ мысли нашей есть сознаніе какихъ-то другихъ причинъ, невещественныхъ, то, простирая задачи Позитивной философіи и на область нравственнаго міра, необходимо изучать по-возможности законы и свойства нравственной жизни.... Называя ихъ (невещественные законы и причины) недоступными и пустыми (inaccessibles et vaines, Robinet, 175), они (позитивисты) не замѣчаютъ, что оба эти предиката несовмѣстимы и исключаютъ другъ друга. Если эти причины недоступны, то это не даетъ еще намъ права отнимать у нихъ существенное значеніе и называть ихъ пустыми; если же онѣ пусты, то къ чему же называть ихъ недоступными?“ Въ подобныя же противорѣчія впадаютъ позитивисты и при опредѣле-

[24]) Философскій лексиконъ т. III-й, стр. 191 – 192.

ніи методовъ нашего познанія. Ограничивши всю область познаваемаго одними только эмпирическими данными, они и существеннымъ методомъ положительнаго знанія считаютъ, какъ мы видѣли, индукцію. Въ своей логикѣ Милль старается доказать несостоятельность силлогизма, какъ неспособнаго дать намъ какое-бы-то-ни-было познаніе вещей, но онъ же признается, что заключеніе отъ частнаго къ общему, составляющее сущность индукціи, опирается на заключеніе отъ общаго къ частному, т. е. на несостоятельный силлогизмъ. Въ основѣ индукціи лежитъ самое общее положеніе, что природа управляется неизмѣнными законами, но этотъ безусловный законъ, отъ котораго отправляется индукція, самъ же основывается на предварительномъ наведеніи, которое однако не имѣетъ научнаго характера, потому что основывается на простомъ наблюденіи, совершенно недостаточномъ для точнаго вывода. Природа, по мнѣнію Милля, кромѣ однообразія заключаетъ въ себѣ и безконечное разнообразіе, въ которомъ простое житейское наблюденіе не въ состояніи открыть какіе-бы-то-ни-было законы. Отсюда, безусловный законъ причинности, будучи исходнымъ пунктомъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій, слѣдовательно, имѣя чисто научный характеръ, самъ получается изъ ненаучнаго опыта, рѣшительно недостаточнаго для этой цѣли. Съ другой стороны, строго слѣдуя своему основному началу чисто внѣшняго опыта, позитивисты естественно должны были бы придти къ безусловному отрицанію всей дедуктивной методы, потому что чисто внѣшній опытъ—какъ такой даетъ намъ только фактическое однообразіе слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, т. е. только законы эмпирическіе, открываемые индукціею. Между тѣмъ позитивисты признаютъ и дедукцію, но такъ какъ они придаютъ послѣдней исключительно формаль-

ное значеніе и даже усиливаются доказать ея полную несостоятельность, то и здѣсь они впадаютъ въ глубокое противорѣчіе. Тотъ же Милль, говоря, что дедуктивный методъ познанія не имѣетъ никакого положительнаго значенія въ дѣлѣ опытнаго знанія и что онъ служитъ лишь формулою, объединяющею наши предварительныя наблюденія, въ концѣ концовъ однако приходитъ къ тому выводу, что задача дедукціи состоитъ не въ обозрѣніи только предшествующихъ наблюденій, а въ томъ, чтобы эмпирическіе законы, добытые индуктивнымъ путемъ, вывести, какъ необходимыя слѣдствія, изъ болѣе общихъ законовъ, показавши въ нихъ частное приложеніе послѣднихъ, и, благодаря этому, сообщить первымъ характеръ необходимости. Отсюда дедукція является уже не формулою только удобною для обозрѣнія предшествующихъ наблюденій, добытыхъ индукціею, но совершенно равноправнымъ и даже, можно сказать, болѣе важнымъ сравнительно съ индукціею методомъ знанія, такъ какъ только она даетъ намъ истинное понятіе о законѣ, какъ необходимой послѣдовательности явленій, и тѣмъ самымъ возводитъ науку на ея высшую ступень. Но если такъ, то индукція, не смотря на то, что она считается почти единственнымъ методомъ познанія, существеннѣйшимъ основаніемъ самыхъ общихъ законовъ, уступаетъ свое мѣсто дедукціи и оказывается недостаточною для вывода среднихъ и низшихъ законовъ, которые всего болѣе къ ней относятся. Послѣдніе, какъ мы сказали, получаются путемъ дедукціи, которая одна только и даетъ имъ значеніе истинныхъ законовъ, хотя сами высшіе законы, изъ которыхъ они выводятся, попрежнему остаются для насъ совершенно необъяснимыми, такъ что дѣйствительно выходитъ, что мы, по выраженію Милля, „идемъ только отъ одной тайны

къ другой". Впрочемъ, такая путаница въ ученіи позитивистовъ о методахъ познанія является у нихъ вполнѣ естественною. Признаніе чисто внѣшняго опыта за единственное основаніе всякаго человѣческаго знанія необходимо ведетъ къ отрицанію законовъ, присущихъ самой познающей мысли, но въ такомъ случаѣ единственнымъ для насъ руководствомъ въ познаніи вещей осталось бы встрѣчающееся въ опытѣ сочетаніе признаковъ, такъ что все наше знаніе опредѣлялось бы просто обычнымъ сочетаніемъ представленій; мы никогда не могли бы выдти изъ предѣловъ чистаго опыта и всякое истинное и полное знаніе сдѣлалось бы немыслимымъ. Въ виду этого позитивисты и принуждены были прибѣгнуть къ логикѣ, но такъ какъ въ тоже время они не желали отказаться и отъ своего основнаго положенія, то отсюда и возникли указанныя противорѣчія при опредѣленіи ими пріемовъ знанія. Истинный методъ познанія не можетъ ограничиться исключительно одною только индукціею, какъ хотятъ этого позитивисты, придавая дедукціи только формальное значеніе. Даже въ дѣлѣ эмпирическаго познанія, гдѣ индукціи принадлежитъ господствующее значеніе, послѣдняя необходимо должна всегда сопровождаться дедукціею, потому что, строго держась только чисто опытнаго пути и дѣлая заключенія лишь отъ частнаго къ частному, рѣшительно нельзя придти даже къ понятію о законѣ, какъ необходимой послѣдовательности явленій, къ чему такъ усиленно стремятся позитивисты. Индуктивный методъ, какъ замѣчено, даетъ намъ лишь фактическое однообразіе слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, но онъ не раскрываетъ намъ, почему явленія происходятъ такъ, а не иначе, не указываетъ ихъ разумной связи; эта послѣдняя дается намъ только дедукціею, въ которой частные эмпирическіе законы, добытые индук-

тивнымъ путемъ, выводятся, какъ необходимыя слѣдствія, изъ болѣе общихъ законовъ и, благодаря этому, получаютъ характеръ всеобщности и необходимости. Это-то обстоятельство между прочимъ и побудило Милля, вопреки своему положенію, что существеннымъ методомъ нашего познанія служитъ индукція и что дедукція имѣетъ лишь формальное значеніе, признать незамѣтно для себя послѣднюю равноправнымъ и даже болѣе важнымъ сравнительно съ индукціею пріемомъ истиннаго знанія. На это же полусознательно намекаетъ и Контъ, когда говоритъ, что „въ состояніи позитивномъ духъ человѣка обращается единственно къ открытію дѣйствующихъ законовъ явленія, посредствомъ наблюденій и *хорошо комбинированнаго употребленія умозаключенія.*“

Полное приложеніе своего опытнаго метода позитивисты, какъ мы видѣли, находятъ въ наукахъ естественныхъ или положительныхъ и только ими однѣми ограничиваютъ всю область познаваемаго. Отсюда, каждая положительная наука, излагая познаніе данныхъ въ опытѣ явленій въ ихъ необходимости или ихъ законахъ, тѣмъ самымъ наглядно оправдываетъ основное воззрѣніе позитивистовъ на познаніе. Съ этою-то между прочимъ цѣлію позитивисты и стараются представить болѣе или менѣе полную и удовлетворительную систематизацію положительныхъ наукъ. Изъ такихъ научныхъ систематизацій мы, при изложеніи теоріи Позитивизма, остановились на научной классификаціи Огюста Конта, а потому и обращаемся теперь къ ея критическому разсмотрѣнію.

Въ основу своей классификаціи наукъ Контъ, какъ замѣчено выше, полагаетъ степень сложности ихъ предметовъ. Раздѣляя прежде всего всѣ науки на конкретныя и абстрактныя, онъ вноситъ въ свою классификацію только послѣднія, какъ основ-

ныя, и оставляетъ безъ всякаго вниманія первыя, какъ производныя. Къ наукамъ послѣдняго рода Контъ относитъ, напр. минерологію, зоологію, ботанику и др. О метафизикѣ и психологіи въ Контовской классификаціи не можетъ быть и рѣчи: все ученіе его направлено противъ этихъ наукъ; считая ихъ положительно вредными, онъ усиливается подорвать ихъ въ самой основѣ и потому безусловно отвергаетъ ихъ. Впрочемъ, Контъ принимаетъ психологію, но понимаетъ ее совершенно своеобразно,—какъ составную часть біологіи. Здѣсь не мѣсто распространяться насчетъ того, имѣютъ ли психологія и метафизика право на самостоятельное существованіе: это требуетъ нарочитаго изслѣдованія, которое не входитъ въ планъ нашего общаго очерка. Намъ достаточно ограничиться лишь тѣмъ самымъ общимъ замѣчаніемъ, что коль скоро доказано, что рядомъ съ внѣшнимъ опытомъ источникомъ нашего познанія является и опытъ внутренній или самонаблюденіе и что въ этомъ послѣднемъ намъ доступно относительное познаніе сущности или бытія сверхопытнаго, то возможность самостоятельнаго существованія наукъ, занимающихся этими областями человѣческаго знанія, становится выше всякаго сомнѣнія и даже является совершенною необходимостью. Къ этому, какъ мы увидимъ ниже, и пришли нѣкоторые позднѣйшіе сторонники Позитивизма. Ограничивъ такимъ образомъ объемъ своей классификаціи только однѣми науками естественными или опытными, Контъ полагаетъ въ основу ихъ математику. „При настоящемъ развитіи нашихъ позитивныхъ знаній, говоритъ онъ, математику слѣдуетъ разсматривать, по моему мнѣнію, не столько какъ составную часть естественной философіи, но какъ науку, которая со временъ Декарта и Ньютона составляетъ истинное основаніе всей философіи, хотя, говоря

точно, она въ одно время есть и то и другое". Но во-первыхъ, въ математикѣ мы имѣемъ чисто умозрительную науку: ея основныя положенія и дальнѣйшіе выводы составляютъ принадлежность лишь отвлеченнаго знанія и образуются исключительно логическимъ путемъ,—съ чѣмъ не могутъ несогласиться даже сами позитивисты, а во-вторыхъ, поставляя математику во главу всей своей классификаціи, Контъ не замѣчаетъ того, что онъ строитъ зданіе положительнаго знанія на неположительномъ фундаментѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по признанію самихъ же позитивистовъ, изъ всѣхъ точныхъ наукъ можетъ считаться вполнѣ положительною только одна астрономія. „Всматриваясь пристально въ нынѣшнее положеніе разныхъ основныхъ наукъ, говоритъ уже извѣстный намъ Р. Льюисъ [25]), мы найдемъ, что *только одна астрономія* вполнѣ освободилась отъ всѣхъ теологическихъ и метафизическихъ понятій. *Только она одна* вполнѣ знакомитъ насъ съ положительнымъ объясненіемъ явленія, оставляя въ сторонѣ первую или конечную его причину". Этотъ неположительный характеръ Положительной философіи, по признанію самого же Конта, проходитъ чрезъ всю его классификацію. Помѣстивши въ послѣдней только науки *чисто положительныя*, Контъ самъ же говоритъ [26]), что „къ великому его сожалѣнію, въ настоящее время *даже самыя усовершенствованныя* науки сохраняютъ *очень* замѣтные слѣды теологическаго и метафизическаго состояній!" Съ другой стороны, не оправдывается классификаціею Конта и вторая главная цѣль, которою онъ руководился при ея составленіи. Эта послѣдняя заключалась, какъ было ска-

---

[25]) О. Контъ и Полож. филос стр. 88 и д.

[26]) Въ своемъ выше цитованномъ сочиненіи стр. 7.

зано, въ томъ, чтобы путемъ систематизаціи наукъ, имѣющихъ своими предметами частные эмпирическіе законы, свести эти послѣдніе къ одному общему началу и такимъ образомъ опредѣлить высшую доступную для насъ всеобщую истину. Но для того, чтобы многіе частные законы явленій и многія частныя научныя знанія составили одну всеобщую истину. необходимо, чтобы всѣ они были соединены не механически, а органически, т. е. чтобы каждый частный законъ (а слѣдовательно, и каждая частная наука) былъ незамѣнимымъ членомъ всей системы. Между тѣмъ, всматриваясь въ научную систему Конта, мы далеко не находимъ той внутренней, органической связи между представленными имъ науками, какая требуется самою постановкою дѣла; напротивъ, между ними полагается чисто случайное, механическое отношеніе. Начнемъ съ разбора отношенія между математикой и механикой. „Предметъ математики по Конту состоитъ въ косвенномъ измѣреніи величинъ, т. е. математика имѣетъ своею задачею опредѣленіе одной величины по другой чрезъ точныя отношенія, которыя между ними существуютъ; она же въ геометріи излагаетъ законы, свойственные протяженнымъ тѣламъ. По смыслу этого опредѣленія математикѣ вообще свойственно разсматривать всѣ числовыя и пространственныя величины, какія только можетъ представить намъ то или другое явленіе, а такъ какъ законы равновѣсія и движенія, служащіе существеннымъ предметомъ раціональной механики, зависятъ отъ математическихъ законовъ пространства и числа, по-скольку всякое движеніе совершается во времени, то Контъ и ставитъ механику въ полное соподчиненіе по отношенію къ математикѣ. Дѣйствительно, въ механикѣ есть нѣкоторый математическій элементъ, ставящій ее въ зависимость отъ математики, но въ своемъ

спеціальномъ содержаніи, дѣлающемъ ее самостоятельной, т. е. опредѣленной, особенной наукой, механика вовсе не находится ни въ какой полной, необходимой связи съ математикой и является для этой послѣдней какъ чистая случайность. Въ самомъ дѣлѣ, собственный предметъ механики заключается, по признанію самого же Конта, не въ изслѣдованіи законовъ пространства и числа, составляющихъ основной предметъ математики, а въ изложеніи законовъ равновѣсія и движенія физическихъ тѣлъ. Законы эти, служащіе существеннымъ содержаніемъ механики, для математики имѣютъ совершенно случайное значеніе. Послѣдняя занимается законами пространства и числа просто какъ чистыми формами, безъ всякаго прямаго отношенія къ тѣмъ предметамъ, которые могутъ заключаться въ этихъ формахъ, каковы, напр. движущіяся тѣла, составляющія предметъ механики, такъ что эти послѣднія для математики могутъ быть и не быть и отъ этого однако математическіе законы не потерпятъ никакого измѣненія. Правда, геометрія, какъ составная часть математики, имѣетъ дѣло съ тѣлами, но она разсматриваетъ ихъ безъ всякаго отношенія къ механической ихъ сторонѣ, т. е. массѣ, силѣ и движенію. Такимъ образомъ, математика не стоитъ во внутренней, необходимой связи съ механикой. Разсмотримъ далѣе отношеніе между біологіей и науками физическими—физикой и химіей. Въ физикѣ мы изучаемъ законы, управляющіе общими свойствами тѣлъ, всегда поставленныхъ въ такія условія, которыя способны поддерживать неизмѣнное расположеніе ихъ составныхъ частей—малекуль, а иногда даже и внѣшнюю связь этихъ послѣднихъ. Химія же имѣетъ дѣло съ законами, управляющими химическими соединеніями, т. е. она опредѣляетъ, какіе могутъ быть виды и результаты хи-

мическаго соединенія. Тѣ и другіе законы, т. е. законы физики и химіи—составляютъ необходимое условіе законовъ біологическихъ или физіологическихъ, а потому послѣдніе зависятъ отъ первыхъ; но, съ другой стороны, біологія, какъ наука, раскрывающая законы организаціи и жизни, неизбѣжно предполагая физическій и химическій матеріалъ, въ тоже время имѣетъ своимъ собственнымъ предметомъ не физическія явленія свѣта, теплоты, электричества и т. п. сами по себѣ, что составляетъ спеціальное содержаніе физики, и не составъ организмовъ изъ различныхъ простыхъ веществъ и ихъ сочетаній самихъ по себѣ, чѣмъ спеціально занимается химія, а лишь организмы и условія ихъ существованія, такъ что физическія и химическія явленія получаютъ значеніе для біологіи только тогда, когда они входятъ въ составъ организма, и на столько, на сколько они являются въ нѣкоторыхъ особенныхъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ, соотвѣтствующихъ условіямъ жизни организма. Сами же по себѣ физическія и химическія явленія составляютъ для біологіи безразличный матеріалъ, точно также какъ и явленія органическаго порядка, составляющія существенный элементъ біологіи, не имѣютъ никакого необходимаго значенія для физики и химіи, потому что законы послѣднихъ не потерпѣли бы рѣшительно никакого измѣненія, еслибы даже совсѣмъ не существовало міра органическаго. Отсюда, опять отсутствіе внутренняго родства между физикой и химіей съ одной стороны и физіологіей съ другой.—Тоже самое должно сказать и относительно взаимной связи біологіи съ соціологіею. Законы біологіи, какъ науки о животныхъ и растительныхъ организмахъ, не имѣютъ никакого необходимаго отношенія къ законамъ соціологіи; послѣдніе для первыхъ—чисто случайныя явленія и могутъ безразлично быть и не быть, по-

тому что для біологіи важны законы органической жизни, какъ составляющіе ея специфическое содержаніе, а не законы существованія человѣческаго общества, ничего существеннаго не прибавляющіе къ ея основному предмету. Въ свою очередь и соціологія, какъ наука объ условіяхъ существованія человѣческихъ обществъ, хотя и предполагаетъ законы біологіи, на сколько люди, составляющіе общества, суть между прочимъ и животныя, но, какъ наука совершенно особая, она основывается не на этихъ общихъ у людей и животныхъ качествахъ, а на особыхъ, людямъ только свойственныхъ, специфическихъ качествахъ животныхъ соціальныхъ, въ силу которыхъ она и получаетъ самостоятельное существованіе, такъ что—какъ такая—соціологія не стоитъ ни въ какой прямой, внутренней и необходимой связи и зависимости отъ біологіи“ [27]). Соціологіею или физикою соціальною Контъ и заключаетъ свою научную систематизацію. Созданіе этой послѣдней науки на прочныхъ положительныхъ началахъ Контъ приписываетъ лично себѣ. Правда, по его мнѣнію, еще Монтескьё въ своемъ сочиненіи „L'esprit des lois“ положилъ нѣкоторое начало общественной науки, но, не смотря на это, она не получила еще положительнаго характера. Въ своей соціологіи Контъ говоритъ, что современное ему состояніе соціальной науки представляетъ всѣ черты, отличающія теологически-метафизическое дѣтство всѣхъ прочихъ отраслей философіи. Признакомъ такого состоянія означенной науки онъ считаетъ стремленіе къ произвольному и неограниченному вліянію на явленія соціальной науки. „Не смотря на стремленіе общественнаго мнѣнія къ болѣе здравой фи-

---

[27]) См Критику отвлеченныхъ началъ—Соловьева.

лософіи, говоритъ онъ, господствующій складъ ума государственныхъ и даже частныхъ людей все еще постоянно заставляетъ ихъ воображать, что общественныя явленія безгранично и произвольно измѣняемы. Люди продолжаютъ думать, что человѣческій родъ лишенъ всякихъ непосредственныхъ побужденій и всегда готовъ пассивно принимать вліяніе законодателя, духовнаго или свѣтскаго, лишь бы онъ былъ вооруженъ достаточнымъ авторитетомъ. Но считая человѣческое общество лишеннымъ свободы и повинующимся произвольному вліянію законодателя, нельзя составить никакого прочнаго и общаго представленія о политическихъ вопросахъ. Поэтому, Положительная философія и въ будущемъ будетъ лишена порядка и согласія, если не подчинитъ общественныхъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, т. е. если не приложитъ къ изученію общественныхъ явленій того самаго позитивнаго духа, который уже возродилъ и подчинилъ себѣ всѣ другія стороны человѣческаго общества. Отсюда принципъ соціологіи состоитъ въ томъ, чтобы представить себѣ общественныя явленія неизбѣжно подчиненными естественнымъ законамъ“ [28]). Убѣжденный такимъ образомъ въ томъ, что всѣ соціальныя явленія подчинены естественнымъ законамъ, Контъ находитъ, что настало время поставить и соціальную науку на точку зрѣнія, свойственную всѣмъ положительнымъ наукамъ, и потому создаетъ и прибавляетъ въ своей классификаціи къ числу положительныхъ наукъ соціальную физику, не безъ цѣли называя ее этимъ именемъ. Съ этой точки зрѣнія задачею соціологіи должно быть изслѣдованіе законовъ общественной жизни, такъ что по строгости, достовѣрности и методу

---

[28]) О Контъ и Положит. филос. Р. Льюисъ, стр. 277.

своего изслѣдованія она должна быть наукою вполнѣ положительною. Между тѣмъ Контовская соціологія далеко не имѣетъ позитивнаго характера. Если съ точки зрѣнія Конта вся общественная жизнь должна быть подчинена строгимъ и неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, если всякое стремленіе къ произвольному и неограниченному вліянію на жизнь общества должно быть удалено изъ области соціологіи, то и самъ Контъ рѣшительно не имѣетъ никакого права мечтать о преобразованіи общества: послѣднее идетъ необходимо по своему неизмѣнному пути, опредѣляемому самими естественными законами, которые остается намъ только изслѣдовать Между тѣмъ въ своей соціологіи Контъ предлагаетъ такое преобразованіе общества, которое показываетъ въ основателѣ Позитивизма не изслѣдователя естественныхъ законовъ общественной жизни, а просто мечтателя фантазера. Онъ предлагаетъ, напр. универсальное воспитаніе для приготовленія юношества къ спеціальнымъ занятіямъ, институтъ философовъ для руководства обществомъ и т. п. мечты, прямо противорѣчащія его основному воззрѣнію. Такимъ образомъ, начавши свою научную систематизацію математикой—наукой чисто умозрительной, Контъ и заканчиваетъ ее наукой болѣе фантастической, нежели положительной. Самая связь между указанными имъ науками является у него чисто случайною, такъ что вся его научная система есть дѣйствительно не болѣе, какъ простая классификація, слѣдуя которой рѣшительно нельзя опредѣлить того общаго начала, которому должны быть подчинены всѣ частные эмпирическіе законы явленій. Въ составъ классификаціи входятъ науки, по признанію самого же Конта, далеко еще неимѣющія вполнѣ положительнаго характера, и изъ такихъ-то неположительныхъ наукъ совершенно

непонятнымъ образомъ составляется философія Положительная, потому что, опять же по словамъ самого Конта, сущность Положительной философіи заключается въ изложеніи существеннаго или самаго общаго содержанія (des generalités) главныхъ частей естествознанія. Словомъ, классификація Конта имѣетъ значеніе только попытки въ этомъ родѣ и потому-то она совершенно основательно не принимается многими сторонниками Положительной философіи. Перейдемъ теперь къ разбору ученія позитивистовъ о трехъ періодахъ человѣческаго развитія—послѣднему доводу ихъ основнаго воззрѣнія на познаніе.

Сущность этого характеристическаго положенія Позитивной философіи состоитъ въ томъ, что какъ все человѣчество, такъ и каждое отдѣльное лицо, стремясь къ познанію окружающаго міра, необходимо употребляетъ для достиженія своей цѣли три способа или пріема: сначала всѣ явленія объясняются произвольнымъ дѣйствіемъ невидимыхъ живыхъ существъ или боговъ—способъ теологическій, затѣмъ первоначальныя невидимыя живыя существа замѣняются отвлеченными сущностями—способъ метафизическій и наконецъ все выводится изъ необходимыхъ и неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ—способъ положительный. Отсюда, исторія представляетъ намъ „три рода философій или общихъ системъ понятій о совокупности явленій“—философію Теологическую, философію Метафизическую и философію Позитивную. Всѣ эти философскія системы стоятъ *въ необходимой взаимной послѣдовательности во времени* и, какъ существенно противоположныя одна другой. *взаимно исключаютъ* себя. Окончательное торжество въ этомъ случаѣ необходимо выпадаетъ на долю философіи Положительной, какъ самой вѣрной теоріи истиннаго знанія.

Прежде всего, что само собою рождается въ умѣ каждаго при первомъ ознакомленіи съ указанною Контомъ теоріею человѣческаго развитія, это то, что авторъ означенной теоріи совершенно смѣшиваетъ религію съ теологіей, метафизику схоластическую съ метафизикою истинною, развитіе съ истребленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи Конта выходитъ, что во-первыхъ, религія вообще, подобно метафизикѣ и Положительной философіи, происходитъ и существуетъ единственно для объясненія внѣшнихъ явленій—какъ первоначальная, неудовлетворительная ихъ теорія. Самымъ наглядным подтвержденіемъ этой мысли служитъ вышеприведенное свидѣтельство самого Конта, гдѣ онъ говоритъ, что духъ человѣческій, стремясь къ познанію природы и нуждаясь для этого въ какой бы-то-ни-было *теоріи*, естественно обращается прежде всего къ болѣе близкой ему во время его дѣтства религіи и ею объясняетъ всѣ явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своемъ первобытномъ состояніи люди часто объясняли непонятныя и загадочныя для нихъ явленія какимъ-либо дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ, такимъ или инымъ участіемъ какого-нибудь неизвѣстнаго для нихъ высшаго существа. Поражаемые чрезвычайными явленіями природы—раскатомъ, напр. грома, блескомъ молніи, страшными бурями и т. п., они, не имѣя еще возможности объяснить все это естественными законами, по-необходимости прибѣгали къ какому-нибудь Юпитеру, Аполлону и т. п., которыхъ и представляли виновниками всего непонятнаго для нихъ въ природѣ. Но такое объясненіе явленій вовсе не похоже ни на какую теорію. Всякая теорія необходимо предполагаетъ болѣе или менѣе послѣдовательное, логическое и основательное раскрытіе извѣстной мысли, подтверждаемое какими-бы-то-ни-было сознательными данными;

тѣмъ болѣе необходимо этого требовать отъ философской теоріи, въ родѣ, напр. теоріи теологической, потому что самъ же Контъ называетъ послѣднюю философіей. Между тѣмъ, если человѣкъ въ своемъ первобытномъ состояніи и объяснялъ то или другое поражавшее его явленіе участіемъ какого-либо высшаго существа, то онъ отдѣлывался въ такомъ случаѣ просто только, можно сказать, однимъ полусознательнымъ утвержденіемъ, и если-бы вы спросили его, на какомъ основаніи онъ такъ думаетъ, то не получили бы отъ него никакого отвѣта, кромѣ развѣ того, что мнѣ такъ кажется. И дѣйствительно, ему такъ только казалось: онъ не могъ дать себѣ никакого отчета, потому что жилъ еще вполнѣ непосредственною жизнію, жизнію такою, при которой не можетъ возникнуть никакая теорія. Совершенно справедливо по этому поводу слѣдующее замѣчаніе Соловьева: „когда утверждаютъ, что религія произошла, какъ нѣкоторая теорія или гипотеза для объясненія явленій, то въ этомъ заключается то нелѣпое предположеніе, что въ тѣ первобытныя времена, къ которымъ должно быть отнесено происхожденіе религіозныхъ представленій, человѣкъ былъ такимъ же абстрактнымъ теоретикомъ, каковы современные ученые, выдумывающіе теоріи и гипотезы для объясненія чуждыхъ имъ естественныхъ явленій. Но для древняго человѣка, какъ это несомнѣнно доказывается языкомъ и миѳологіей, естественныхъ явленій въ нашемъ смыслѣ совсѣмъ не существовало, слѣдовательно, и объяснять было нечего“ [29]). Съ другой стороны, и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи религія никогда не служила для чело-

---

[29]) Теорія Огюста Конта о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества, стр. 134.

вѣка теоріею объясненія внѣшнихъ явленій. Да это и вполнѣ естественно. Существенное содержаніе каждой религіи, ея главная задача—не въ объясненіи явленій внѣшняго міра, а въ опредѣленіи, въ указаніи болѣе или менѣе истиннаго отношенія человѣка къ высочайшему для него существу. Послѣднее обстоятельство происходитъ отъ того, что религія получаетъ свое начало не изъ стремленія человѣка къ познанію явленій окружающаго его міра, какъ это кажется Конту, а изъ глубины чувства человѣка, въ которомъ послѣдній сначала инстинктивно ощущаетъ всю свою слабость и зависимость отъ чего-то высшаго. Вытекая, такъ сказать, изъ этого своего первоисточника, религія, при посредствѣ уже разума, опредѣляетъ то высочайшее существо, къ которому человѣкъ чувствуетъ внутреннее влеченіе, и устанавливаетъ извѣстныя къ нему отношенія. Отсюда, и содержаніе всякой религіи не ограничивается одними только понятіями о Богѣ и о предметахъ вѣры, а напротивъ, всегда и всюду рядомъ съ этими понятіями, образующими теоретическую сторону религіи, мы непремѣнно встрѣчаемъ въ послѣдней и разнообразныя предписанія обрядовыя и нравственныя, имѣющія ближайшее отношеніе къ чувству и волѣ человѣка и составляющія практическую сторону религіи. Вслѣдствіе всего этого и происходитъ то, что ни одна частная религія рѣшительно не подходитъ подъ Контовское теологическое состояніе. Возьмемъ хоть религію Буддійскую; основной ея догматъ—не объясненіе явленій міра, а совершенное по-возможности удаленіе отъ міра; самый міръ для буддиста не имѣетъ даже дѣйствительнаго значенія: онъ представляется для него совершеннымъ ничтожествомъ, „пустотою“; даже и высшая цѣль буддиста—погруженіе въ такую же пустоту—„Нирвану“. При такомъ религіозномъ міровоззрѣніи, очевидно, не мо-

жетъ быть и рѣчи объ объясненіи явленій внѣшняго міра. Точно также, напр. и религія браминовъ совершенно не имѣетъ никакого отношенія къ объясненію внѣшняго міра, потому что для нея послѣдній представляется обманчивымъ призракомъ, на который человѣкъ не только не долженъ обращать никакого вниманія, но отъ котораго долженъ всѣми силами удаляться для совершеннаго соединенія съ Брамою. Даже самая совершеннѣйшая религія христіанская, и та рѣшительно не подходитъ подъ Контовское опредѣленіе религіи. Какое отношеніе въ самомъ дѣлѣ къ объясненію наблюдаемыхъ явленій—„explication des phenomènes observables“ могутъ имѣть главные христіанскіе догматы—Троицы, воплощенія, воскресенія мертвыхъ, а также христіанская мораль? очевидно, между тѣмъ и другими нѣтъ ничего общаго.

Отождествивъ религію съ теологіей, Контъ во вторыхъ, смѣшиваетъ метафизику схоластическую съ метафизикою въ истинномъ смыслѣ этого слова. По его мнѣнію, все содержаніе метафизики ограничивается однѣми пустыми отвлеченностями, неопредѣленными сущностями, не имѣющими никакого положительнаго значенія, а между тѣмъ считаемыми за дѣйствительную основу всего существующаго. Этотъ недостатокъ, дѣйствительно, рѣзко бросается въ глаза въ метафизикѣ схоластической, особенно въ такъ называемой борьбѣ номиналистовъ съ реалистами. Тогда какъ номиналисты утверждали, что сущность всего реальнаго заключается въ индивидуальныхъ субстанціяхъ, реалисты полагали совершенно наоборотъ, что общее, разумѣя подъ нимъ не только роды и виды, но и всякое отвлеченное понятіе въ родѣ, напр. albedo, rationalitas, существуетъ прежде частнаго, индивидуальнаго, какъ сущность послѣдняго. Очевидно, что подобныя разсужденія далеко не имѣютъ

чисто-научнаго значенія, и, еслибы вся метафизика исчерпывалась только такими философствованіями, она, конечно, не имѣла бы *глубокаго* смысла. Но въ томъ-то и дѣло, что истинная метафизика, какова метафизика новаго времени, далеко не ограничивается указанными предѣлами. Существеннымъ ея содержаніемъ является не отвлеченное объясненіе внѣшняго реальнаго міра и не объясненіе только этого послѣдняго, но, напротивъ, она обнимаетъ собою все существующее во всей его совокупности. Отсюда, метафизика не имѣетъ безусловно абстрактнаго характера, а потому и ея правильные выводы не могутъ быть названы пустыми, неимѣющими никакого реальнаго значенія, выводами. Если же такъ, то нѣтъ никакихъ основаній и отрицать совершенно метафизику, какъ не имѣющую будто-бы никакого истинно-реальнаго значенія. Впрочемъ, Конту естественно было впасть въ такое заблужденіе. Совершенно отрицая метафизику, онъ самъ же сознается, что не читалъ ни одного изъ нѣмецкихъ философовъ. Чтобы судить о томъ, на сколько знакомъ былъ Контъ съ новою германскою философіею, достаточно привести то мѣсто, въ которомъ упоминается у него имя Канта. Утверждая, что всякое качественное различіе вещей и явленій есть лишь кажущееся и съ успѣхомъ наукъ мало-по-малу приводится только къ различію количественному, Контъ между прочимъ говоритъ: „Напрасно стали бы противопоставлять этому ученію Кантово раздѣленіе человѣческихъ идей на двѣ категоріи: количества и качества, изъ которыхъ будто-бы только первыя исключительно относятся къ математикѣ. Самое развитіе этой науки уже съ давнихъ поръ положительно показало, какъ мало дѣйствительнаго въ этомъ поверхностномъ метафизическомъ различіи [30]).

[30]) Цитованное выше сочиненіе Конта, стр. 112.

Наконецъ, въ своемъ ученіи о трехъ періодахъ человѣческаго развитія Контъ смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія—развитіе и истребленіе. По его теоріи выходитъ, что поступательное умственное движеніе человѣчества, лежащее въ основаніи всей исторіи просвѣщенія послѣдняго, состоитъ въ томъ, что въ каждомъ изъ послѣдующихъ фазисовъ своего существованія человѣчество отвергаетъ *все* выработанное предыдущими поколѣніями, чтобы начать жизнь по своимъ собственнымъ началамъ. Такъ, въ періодѣ метафизическомъ отвергаются *всѣ* понятія теологическія и *взамѣнъ ихъ* создается міровоззрѣніе метафизическое, создается съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько вѣковъ, въ свою очередь, быть *совершенно* отвергнутымъ и замѣненнымъ міровоззрѣніемъ положительнымъ, только на этотъ разъ быть замѣненнымъ навсегда, ибо далѣе положительнаго періода человѣчеству идти рѣшительно некуда. Очевидно, что подобное развитіе совершенно тождественно съ истребленіемъ. Между тѣмъ понятіе развитія въ истинномъ своемъ значеніи вовсе не содержитъ въ себѣ, какъ нѣчто безусловно необходимое, признакъ *совершеннаго* истребленія послѣдующимъ *всего* предыдущаго. Напротивъ, *истинное развитіе всегда и непремѣнно состоитъ въ увеличеніи предшествующаго послѣдующимъ въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ*. Мы говоримъ, что извѣстный народъ развивается, когда замѣчаемъ усовершенствованіе во всѣхъ или многихъ сторонахъ его жизни и дѣятельности, но если тотъ же самый народъ по какимъ-либо историческимъ обстоятельствамъ лишился *всей* своей предшествующей образованности и принужденъ *снова* начать свою историческую жизнь, то мы никогда не скажемъ, что эта послѣдня *стоитъ выше* только что истребленной цивилизаціи, какъ это выходитъ по Конту; мы, напротивъ, со-

чтемъ такой народъ несчастнымъ и скажемъ, что ему не легко достигнуть своего прежняго состоянія и что, можетъ быть, онъ не достигнетъ его никогда. Если бы поэтому человѣческое развитіе шло исключительно путемъ истребленія добытаго предшествующими поколѣніями, то рѣшительно былъ бы невозможенъ никакой прогрессъ, и человѣчество, достигши извѣстной степени развитія, принуждено было бы отвергнуть послѣднее, чтобы снова начать иное развитіе и опять затѣмъ, чтобы отвергнуть его и такъ далѣе и такъ далѣе; оно вертѣлось бы въ какомъ-то заколдованномъ кругу и никогда не вышло бы изъ него. Правда, Контъ признаетъ окончательнымъ фазисомъ человѣческаго развитія состояніе положительное, но въ такомъ случаѣ отрицается развитіе и въ его смыслѣ, потому что человѣчеству некуда идти далѣе своего положительнаго состоянія; ему пришлось-бы остановиться и ужъ если подвигаться впередъ, то исключительно въ количественномъ отношеніи, а это отнюдь не составляетъ развитія въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Отождествивши указаннымъ образомъ религію съ теологіей, метафизику схоластическую съ метафизикою въ истинномъ ея значеніи, развитіе съ истребленіемъ, Контъ естественно впалъ и въ другія заблужденія: и во-первыхъ. онъ счелъ религію, метафизику и Положительную философію *методами* познанія, основанными на организаціи нашей природы, а во-вторыхъ, призналъ ихъ строгую историческую послѣдовательность. Въ самомъ дѣлѣ, съ именемъ метода всегда и необходимо соединяется понятіе объ извѣстномъ болѣе или менѣе правильномъ пріемѣ умственной дѣятельности, ведущемъ къ открытію истины; отсюда всякій методъ имѣетъ формальное значеніе; какъ такой, онъ всегда только прилагается къ извѣстному матеріалу для его

изслѣдованія, такъ что самое познаніе является уже слѣдствіемъ такого приложенія. Но если такъ, то необходимо было ожидать, что Контъ укажетъ формальную особенность каждаго изъ названныхъ имъ методовъ. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло совершенно иначе. Контъ ничего не говоритъ о своихъ методахъ, какъ способахъ умственной дѣятельности, онъ вовсе не указываетъ тѣхъ логическихъ пріемовъ, которыми достигается то, что называется у него теологическою, метафизическою и положительною философіею. Изъ его теоріи несомнѣнно слѣдуетъ только то, что всѣ три его метода представляютъ различное до противоположности содержаніе. Предметы теологическаго метода—живое божество и его вліяніе на міръ; эти предметы отрицаются методомъ метафизическимъ, поставляющимъ на ихъ мѣсто отвлеченныя сущности вещей, которыя въ свою очередь отрицаются методомъ положительнымъ, изслѣдующимъ только явленія природы и ближайшую ихъ причинную связь. Отсюда, названные Контомъ методы познанія оказываются вовсе не методами, а скорѣе тремя различными сторонами познаваемаго—реальнаго, а потому и не могутъ быть выведены изъ внутренней организаціи человѣка, какъ этого хочетъ Контъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе смѣшенія указанныхъ понятій, Контъ призналъ теологическій, метафизическій и положительный періоды человѣческаго развитія стоящими въ необходимой взаимно-исключающей преемственности. Недостатки этого послѣдняго положенія очень рѣзко бросаются въ глаза. Чтобы утверждать взаимную послѣдовательность чего-бы-то-ни-было, необходимо, чтобы предметы, которымъ мы приписываемъ извѣстнаго рода преемственность, были вполнѣ соизмѣримы, потому что въ противномъ случаѣ невозможно никакое ихъ сопоставленіе. Соизмѣримость же предметовъ со-

вершенно немыслима безъ ихъ однородности. Мы можемъ сопоставить между собою, напр. два стола, три дома и т. п. и найдти между ними то или другое отношеніе, но мы были бы поставлены въ невозможное положеніе, если бы намъ предложили сопоставить между собою какого-либо человѣка и зданіе; очевидно, что подобнаго рода сопоставленіе рѣшительно невозможно и даже совершенно нелѣпо, потому что между данными предметами нѣтъ никакой однородности. Тоже самое должно сказать и о взаимномъ отношеніи религіи, метафизики и положительной философіи; эти три области совершенно неоднородны между собою: религія является достояніемъ всего человѣчества, положительныя науки и философія составляютъ собственность немногихъ избранныхъ; положительныя науки имѣютъ дѣло съ міромъ видимости,—съ явленіями, религія и метафизика стремятся къ познанію того, что есть подлинно, на самомъ дѣлѣ, а не того, что только намъ кажется; метафизика и положительныя науки удовлетворяютъ только одну сторону нашего существа—наше стремленіе къ истинному знанію,—религія же не ограничивается однимъ только знаніемъ, но простирается вмѣстѣ съ тѣмъ на чувство и волю человѣка и такимъ образомъ обнимаетъ все существо его. Отсюда ясно, что эти три области по самому существу своему совершенно отличны одна отъ другой, совершенно самостоятельны, совершенно разнородны, а если такъ, то между ними не можетъ быть рѣшительно никакой и преемственности. Это дѣйствительно и подтверждается исторіею. Въ историческомъ развитіи человѣчества мы на самыхъ же первыхъ порахъ встрѣчаемъ религіозныя представленія, но рядомъ съ ними находимъ и нѣкоторыя практическія и даже теоретическія соображенія. Сами же позитивисты, утверждая, что первоначальная

исторія человѣчества представляетъ собою состояніе теологическое, относятъ однако къ этому же періоду и всѣ научно-практическія функціи. Въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества возникаетъ и систематизированное научное знаніе, которое, смотря по тому, на что обращается вниманіе—на идеальную или реальную, точнѣе на внѣшнюю или внутреннюю сторону бытія, является какъ знаніе философское и знаніе научно-эмпирическое; при этомъ религія остается попрежнему главнымъ двигателемъ всесторонней человѣческой жизни и дѣятельности, а ея истины въ богословскихъ системахъ принимаютъ форму науки. Отсюда, у каждаго народа рядомъ съ религіозными вѣрованіями мы всегда встрѣчаемъ и своего рода метафизику и своего рода положительное знаніе. Въ исторіи можно находить только въ извѣстныя эпохи преобладаніе какого либо одного Контовскаго метода и опять далеко не въ порядкѣ трехъ фазисовъ. Такъ, напр. въ Александрійскій періодъ греческой образованности послѣ процвѣтанія положительныхъ наукъ получила перевѣсъ Александрійская философія, а потомъ религія. Впрочемъ, и самъ Контъ какъ-бы сознаётся въ несостоятельности своего ученія о трехъ взаимно-исключающихъ фазисахъ человѣческаго развитія, когда описываетъ особенности каждаго изъ нихъ и когда, характеризуя современное себѣ общество, между прочимъ говоритъ, „что нынѣшняя интеллектуальная анархія зависитъ главнѣйше отъ совмѣщенія трехъ радикально несовмѣстимыхъ философій: теологической, метафизической и положительной“. Столько же, если не болѣе, несостоятеленъ Контовъ законъ трехъ фазисовъ и по отношенію къ развитію каждаго человѣка, какъ отдѣльной личности. По теоріи Конта выходитъ, что, подобно всему человѣчеству, и *каждый* отдѣльный человѣкъ въ теченіе своей

жизни *послѣдовательно* бываетъ теологомъ въ дѣтствѣ, метафизикомъ въ юности и позитивистомъ въ зрѣломъ возрастѣ. Между тѣмъ наблюденія же показываютъ намъ, что дѣти, напр. стоятъ гораздо ближе къ природѣ, нежели люди взрослые. Съ другой стороны, нерѣдки и такія личности, которыя *въ одно и тоже* время бываютъ и теологами и метафизиками, и теологами и позитивистами, и метафизиками и позитивистами. Такъ, естествоиспытатели Ньютонъ и Кеплеръ были въ тоже время люди глубоко-религіозные; Аристотель— одинъ изъ замѣчательныхъ философовъ занимался въ тоже время и изученіемъ природы; Кантъ согласно съ позитивистами училъ, что сущность вещей непознаваема, и въ тоже время былъ философомъ метафизикомъ, а также человѣкомъ глубоко вѣрующимъ. Подобныхъ примѣровъ можно найдти множество; ихъ встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу и, если Контъ проходитъ ихъ мимо, такъ это дѣлаетъ онъ или преднамѣренно или полусознательно. Можно только согласиться и то отчасти съ тою мыслію, что Контовскій законъ трехъ фазисовъ имѣетъ нѣкоторое значеніе для развитія естественныхъ наукъ, и въ такомъ случаѣ подъ теологіей и метафизикой необходимо разумѣть только теологическія и метафизическія начала въ области естествознанія. Къ такому пониманію законовъ трехъ фазисовъ въ противорѣчіе себѣ склоняются невольно и, вѣроятно, безсознательно и сами позитивисты. Тотъ же Контъ, говоря про свой историческій законъ, замѣчаетъ: „Достаточно лишь выразить такой законъ, чтобы его вѣрность была сейчасъ же подтверждена всѣми, кто имѣетъ основательное познаніе въ общей исторіи наукъ. Изъ нихъ каждая, въ самомъ дѣлѣ достигши теперь положительнаго состоянія, въ прошедшемъ существенно состояла изъ метафизическихъ абстракцій,

а еще раньше управлялась исключительно теологическими понятіями“ [31]). На это же самое довольно ясно намекаетъ и Милль, когда говоритъ, что „всякому, кто имѣетъ возможность прослѣдить исторію различныхъ естественныхъ наукъ, небезизвѣстно, что позитивное изъясненіе фактовъ мало по-малу заступило мѣсто теологическаго и метафизическаго—по мѣрѣ того, какъ прогрессъ изслѣдованія выводилъ на свѣтъ все болѣе и болѣе возрастающее число неизмѣнныхъ законовъ для явленій“. Но и съ такимъ значеніемъ Контовскаго закона трехъ фазисовъ можно согласиться только отчасти: сами же позитивисты, какъ, напр. тотъ же Милль— справедливо замѣчаютъ, что *важнѣйшая* изъ позитивныхъ наукъ математика *никогда* не находилась въ теологическомъ состояніи. Правда, теологическій способъ разсматриванія числа встрѣчается у Пиѳагорейцевъ, которые отождествляли различныя миѳологическія божества съ разными числами, но это совсѣмъ не то, что разумѣютъ позитивисты подъ теологическимъ періодомъ той или другой положительной науки. Послѣ всего сказаннаго ясно, что и послѣднее существенное положеніе Позитивной философіи—ученіе о трехъ періодахъ человѣческаго развитія—представляетъ собою не болѣе, какъ плодъ фантазіи, ничего или по крайней мѣрѣ очень мало имѣющій соотвѣтствующаго себѣ въ дѣйствительной исторіи человѣчества, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и главное историческое доказательство основнаго воззрѣнія позитивистовъ на познаніе.

---

[31]) Цитованное сочиненіе Конта, стр. 6—7.

IV.

Всю указанную несостоятельность Позитивной философіи мало-по-малу начинаютъ сознавать и сами позитивисты; въ виду этого они часто прибѣгаютъ къ болѣе или менѣе значительнымъ поправкамъ и пополненіямъ своей теоріи. Отсюда-то современный намъ Позитивизмъ и представляетъ множество уклоненій отъ своего первоначальнаго состоянія, которыя заслуживаютъ тѣмъ большее вниманіе, что касаются всѣхъ существенныхъ сторонъ Положительной философіи. Важнѣйшія изъ этихъ уклоненій слѣдующія. Главное положеніе Позитивизма, какъ теоріи феноменальнаго эмпиризма, состоитъ, какъ извѣстно, въ признаніи единственнымъ источникомъ нашего познанія опыта внѣшняго и въ отрицаніи опыта внутренняго. Но такъ какъ въ указанныхъ предѣлахъ рѣшительно невозможно полное и болѣе или менѣе истинное познаніе, то позднѣйшіе позитивисты и начинаютъ понемногу склоняться и на сторону опыта внутренняго, въ пользу познанія метафизическаго, хотя при этомъ не отказываются и отъ своихъ существенныхъ положеній. Извѣстный послѣдователь Позитивной философіи Гербертъ Спенсеръ признаетъ уже психологію, какъ науку совершенно самостоятельную и, что важнѣе всего,—основанную на внутреннемъ опытѣ; тѣмъ не менѣе это не препятствуетъ ему строить весь душевный міръ по аналогіи съ міромъ физическимъ и выводить отсюда то положеніе, что одна и таже неизвѣстная намъ сила является въ двухъ различныхъ, хотя и совершенно непонятныхъ для насъ, формахъ. Поэтому онъ вовсе отказывается отъ матеріализма, утверждая, что эта неизвѣстная намъ сила не можетъ быть принята за чисто матеріальную,—она есть лишь превращеніе лежащей и въ основѣ всего

міра силы и потому можетъ быть понята какъ сила духовная и какъ—матеріальная вмѣстѣ. Другой извѣстный сторонникъ Позитивной философіи Милль признаетъ, какъ сказано, рядомъ съ индукціею, единственно—истиннымъ методомъ познанія позитивистовъ,—и дедукцію, хотя въ противорѣчіе себѣ и придаетъ послѣдней чисто формальное значеніе. Онъ принимаетъ даже, какъ совершенно особую науку,—логику, хотя и приписываетъ ей несвойственный ея существу исключительно опытный характеръ. Наконецъ Льюисъ, открыто заявляющій о своей связи съ Контовской философіей и дѣйствительно слишкомъ сродный ей по духу, приходитъ однако къ той мысли, что границы, которыя феноменальный эмпиризмъ указываетъ знанію, не закрываютъ вполнѣ для человѣка метафизической области, что можно составить нѣкоторыя метафизическія сужденія, не выходя однако изъ предѣловъ эмпиризма; вслѣдствіе этого онъ переходитъ на сторону людей, неотрицающихъ вполнѣ метафизики.

Еще болѣе уклоненій представляетъ позднѣйшій Позитивизмъ въ научной систематизаціи. Вышепоименованный позитивистъ Гербертъ Спенсеръ въ своихъ сочиненіяхъ: „Генезисъ науки“ и „Классификація наукъ“ разбираетъ классификацію Конта и въ концѣ концовъ отвергаетъ ее, предлагая свою собственную, какъ болѣе состоятельную. Главное его возраженіе состоитъ въ томъ, что если болѣе спеціальныя науки нуждаются по Конту въ истинахъ наукъ болѣе общихъ, то послѣднія въ свою очередь имѣютъ нужду въ истинахъ первыхъ и были задержаны въ своемъ развитіи несовершеннымъ состояніемъ наукъ, стоящихъ далеко ниже въ Контовскомъ ряду. Отсюда, взаимная зависимость наукъ у Конта представляетъ только consensus, а вовсе не восходящій рядъ

или іерархію. Точно также много возражаетъ противъ Контовской классификаціи и Милль. Главныя его возраженія касаются психологіи. Вмѣстѣ съ Гербертомъ Спенсеромъ Милль утверждаетъ, что психологія должна быть непремѣнно признана, какъ особая, совершенно самостоятельная наука. Разсматривая недостатки Контовской классификаціи, онъ между прочимъ находитъ, что важное уклоненіе Конта состоитъ въ томъ, „что въ своемъ линейномъ ряду онъ не даетъ мѣста психологіи и повсюду говоритъ о ней съ пренебреженіемъ. Изученіе умственныхъ явленій или, какъ онъ выражается, интеллектуальныхъ и нравственныхъ отправленій--помѣщено у него подъ рубрикою біологіи, но и то какъ вѣтвь физіологіи. Наши познанія объ умѣ человѣческомъ, полагаетъ Контъ, должны пріобрѣтаться чрезъ наблюденія другихъ людей,—но какимъ образомъ мы будемъ въ состояніи наблюдать умственныя операціи у другихъ людей и объяснять ихъ проявленія, если знаніе самихъ себя не покажетъ намъ, что означаютъ эти проявленія,—онъ не опредѣляетъ. Ему казалось, что самонаблюденіе можетъ дать намъ весьма немного относительно чувствъ и ничего не даетъ касательно разума. Онъ полагалъ, что нашъ умъ въ состояніи наблюдать все другое, кромѣ себя самого, что мы не въ силахъ наблюдать свое наблюденіе и разсужденіе во время самыхъ процессовъ и, еслибы захотѣли сдѣлать это, то вниманіе къ самому рефлексу уничтожило бы его объектъ, остановивъ собою наблюдаемый процессъ“ [32]). Все это, по мнѣнію Милля, не можетъ быть признано справедливымъ и главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что нашъ умъ мо-

---

[32]) О. Контъ и Позитивизмъ—Милль стр. 58—59.

жетъ не только сознавать, но и активно воспринимать въ одно и тоже время значительное число впечатлѣній, а во-вторыхъ, потому, что фактъ можетъ быть изучаемъ при посредствѣ памяти и не въ тотъ самый моментъ, когда мы его замѣчаемъ, а послѣ, чѣмъ мы и пріобрѣтаемъ наши познанія объ умственныхъ актахъ вообще. „Какъ-бы мы не изучали процессы нашихъ наблюденій и разсужденій, говоритъ между прочимъ Милль [33]), въ то-ли самое время, когда они совершаются, или же послѣ—при содѣйствіи памяти— въ томъ и другомъ случаѣ мы изучаемъ ихъ непосредственно въ нихъ самихъ, а не только въ ихъ результатахъ. Этотъ простой фактъ разрушаетъ всю Контову аргументацію". Да притомъ, „непринять психологію въ рядъ наукъ,—значитъ испортить этотъ рядъ, значитъ сдѣлать неполною философію, опирающуюся на этотъ рядъ, ибо извѣстно, что основаніе Позитивной философіи заключается въ іерархическомъ ряду наукъ" [34]). Эта же ошибка Конта, по мнѣнію Милля, послужила и источникомъ серьезныхъ заблужденій въ его попыткѣ создать соціальную науку, такъ что съ точки зрѣнія Милля Контъ собственно и не создалъ соціологіи. Всѣ указанныя возраженія Милля противъ Конта старается опровергнуть въ своей статьѣ: „Контъ и Милль" новѣйшій представитель Позитивизма Литтре. Онъ оправдываетъ Конта тѣмъ, что тотъ подъ психологіею разумѣлъ науку о мозговыхъ способностяхъ, а эта послѣдняя, по замѣчанію Литтре, дѣйствительно должна быть соединена съ біологіею. „Все, что касается способностей, говоритъ онъ, ихъ анализа или классификаціи, ихъ видоизмѣненія раз-

---

[33]) Ibid. p. 60.

[34]) Контъ и Милль—Литтре, стр. 310.

личными вліяніями и средами, принадлежитъ къ области біологіи..... Не нужно забывать между философами Конта, который съ своей точки зрѣнія былъ проповѣдникомъ этого взгляда въ своей системѣ Позитивной философіи..... Важны только (для соціологіи) способности въ томъ видѣ, какъ ихъ знаетъ біологія, ибо нужно, чтобы въ соціологію не проскользнуло ничего, что противорѣчило бы основнымъ даннымъ мозговой физіологіи. Контъ употребилъ въ дѣло понятія, какія существовали въ его время. Итакъ, заключаетъ Литтре свою апологію Конта, дурно ограниченная, дурно опредѣленная группа, которую называютъ психологіею, не нужна ни для установленія соціологіи, ни для ряда наукъ, установленнаго Контомъ, и его созданіе остается неприкосновеннымъ“ [35]). Между тѣмъ тотъ же самый Литтре соглашается и съ Миллемъ, что психологія должна имѣть самостоятельное значеніе, только въ послѣднемъ случаѣ онъ понимаетъ психологію какъ идеологію и логику вмѣстѣ. „Если подъ психологіею, говоритъ онъ, разумѣется вмѣстѣ идеологія и даже логика, то Конту дѣлается упрекъ совершенно другаго рода“ и въ такомъ случаѣ „ни идеологія, ни логика ни даже эстетика и мораль не относятся къ біологіи“, и при этомъ прибавляетъ, что Контъ не говоритъ объ этомъ въ своей философіи [36]). Какъ-бы-то-ни было, во всякомъ случаѣ Литтре, подобно другимъ позитивистамъ, признаетъ самостоятельность психологіи и даже отводитъ ей особое мѣсто въ ряду позитивныхъ знаній: мало того, онъ даже рѣшился осуществить на дѣлѣ свою мысль. Съ этою цѣлію Литтре [37]) заимствовалъ у физіологовъ Luys-a и

[35]) Контъ и Милль стр. 308. 312. 314.

[36]) Ibid. p. 310.

[37]) La philosophie positive; Revue dirigée par E. Littré et Q Wyrenboff t. 1. 1867. De la méthode en psychologie, par E. Littré.

Volpion-a нѣсколько мыслей объ интеллектуальныхъ отправленіяхъ мозга, прибавилъ къ этому нѣсколько положеній изъ Бэна и такимъ образомъ создалъ психологію, примѣнивъ ее тотчасъ же къ изъясненію всѣхъ умственныхъ, чувственныхъ и эстетическихъ явленій; выводы ея стали признаваться за несомнѣнныя научныя истины. но при этомъ психологія получила несвойственный ей чисто эмпирическій характеръ. Въ своей полемической статьѣ „Des opinions administrtives sur le libre arbitre“ [38]) Литтре. напр. говоритъ: „Когда, при дальнѣйшемъ развитіи физіологіи, стали искать, въ чемъ состоитъ механизмъ идей. то убѣдились, что всѣ идеи происходятъ отъ нервовъ, воспринимающихъ внѣшнія или внутреннія раздраженія, при чемъ клѣточки. изъ которыхъ состоитъ мыслящая масса мозга (les masses intellectuelles du cerveau), имѣютъ свойство преобразовывать эти раздраженія въ идеи, связывать и сохранять ихъ и возводить посредствомъ подобной переработки до высшихъ комбинацій. Въ этой тѣсной ткани нѣтъ мѣста для той свободы воли. которая, по мнѣнію богослововъ, опредѣляетъ сама себя независимо отъ всего другаго“. Наконецъ въ ряду позитивныхъ наукъ позднѣйшіе позитивисты помѣстили еще позитивную теологію, позитивную эстетику и даже позитивную логику.

Не остался безъ дополненія и поясненія и третій—послѣдній существенный пунктъ Позитивной философіи—ученіе о трехъ періодахъ человѣческаго развитія. По теоріи Конта, какъ извѣстно, выходитъ, что названные имъ три фазиса—теологическій, метафизическій и позитивный въ исторіи человѣчества идутъ послѣдовательнымъ во времени

---

[38]) La philosophie positive, T. II. 1868. p. 460.

взаимно-исключающимъ путемъ. Но такъ какъ исторической жизнію подобнаго рода ученіе не оправдывается, что чувствовалъ и самъ Контъ, то новѣйшіе позитивисты и рѣшились пояснить Контово ученіе трехъ фазисовъ. Признавая его теорію объ этомъ предметѣ совершенно истинною, они прибавили только то, что найденныя Контомъ три ступени человѣческаго развитія не должны считаться вполнѣ самостоятельными, исключающими одна другую, но что, напротивъ, теологическій, метафизическій и позитивный періоды всегда существовали совмѣстно, при чемъ одинъ изъ нихъ являлся преобладающимъ. „Слѣдующія соображенія, говоритъ Льюисъ словами одного изъ своихъ друзей [39]), быть можетъ послужатъ на пользу болѣе юнымъ изслѣдователямъ Положительной философіи. Они не должны думать по примѣру многихъ, что въ законѣ развитія каждый изъ трехъ періодовъ является самостоятельнымъ и исключительнымъ; напротивъ, теологическій, метафизическій и положительный періоды всегда существовали совмѣстно. Но въ первомъ періодѣ теологія была преобладающимъ элементомъ, во второмъ преобладала метафизика, въ третьемъ—положительное воззрѣніе. Зародышъ Позитивизма можно открыть даже во время фетишизма, да и къ отвлеченію человѣкъ никогда не былъ абсолютно неспособенъ. Съ другой стороны, положительный періодъ не исключаетъ первоначальныхъ и переходныхъ стремленій человѣческаго ума. Дѣло въ томъ, что эти три періода тѣсно между собою связаны, ибо метафизическій есть переходный періодъ: онъ отчасти и положительный, онъ отчасти и научный. Метафизика соединила края пропасти, лежащей между сверхъестественностью

---

[39]) Выше цитованное сочиненіе Льюиса стр. 57—58.

и Позитивизмомъ. Безъ нея человѣчество никогда не пошло бы впередъ, потому что „natura non agit per saltum—въ природѣ нѣтъ скачковъ."

V.

Такимъ образомъ позднѣйшій Позитивизмъ во многомъ уклонился отъ своихъ первоначальныхъ основныхъ положеній; послѣднее обстоятельство еще болѣе подрываетъ и безъ того одностороннее его міровоззрѣніе. Все это вмѣстѣ взятое повидимому должно было бы способствовать постепенному паденію Позитивной философіи. Между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое: Позитивизмъ не только не отходитъ въ область исторіи, какъ въ сущности отжившее свое время ученіе, но напротивъ, какъ это мы замѣтили еще въ самомъ началѣ данной статьи, въ настоящее-то время и пользуется всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Фактъ этотъ неоспоримъ,—чѣмъ же, спрашивается, объяснить его? кажется, что существенною причиною послѣдняго явленія служитъ полное соотвѣтствіе общаго характера Позитивной философіи одностороннимъ стремленіямъ современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что духъ современнаго общества, его живые интересы отличаются чисто практическимъ характеромъ. Послѣдній проглядываетъ, какъ въ обыденной, повседневной жизни, такъ равно въ литературѣ и наукѣ. Въ жизни—чистый практицизмъ высказывается въ преобладаніи матеріальныхъ началъ (будутъ ли то начала частныя личныя, или общественныя государственныя) надъ всѣми прочими; въ литературѣ и наукѣ онъ выражается въ такъ называемомъ реализмѣ. Отсюда, реализмъ является господствующимъ направленіемъ и въ дѣлѣ современнаго воспитанія.

Въ большей части свѣтскихъ учебныхъ заведеній—особенно на западѣ—преобладаютъ науки естественныя, которыя, благодаря преимущественно доставляемой ими матеріальной выгодѣ, и увлекаютъ собою большинство ученыхъ и образованныхъ людей нашего времени. Понятно, что, при такомъ исключительно утилитарномъ духѣ времени, все подходящее къ нему необходимо должно встрѣчать всеобщее къ себѣ расположеніе. Между тѣмъ Положительная-то философія и отличается болѣе всякой другой реальнымъ направленіемъ. По самому своему характеру она тождественна съ науками естественными: послѣднія во всей своей совокупности и составляютъ ея существенное содержаніе по мнѣнію самихъ же позитивистовъ. Съ другой стороны, рядомъ съ естественною теоріею, Позитивизмъ представляетъ и чисто практическія соображенія: объединеніе, напр. мнѣній и основанныхъ на нихъ стремленій общества, преобразованіе и водвореніе гармоніи между дѣйствіями всѣхъ членовъ его, а что важнѣе всего, онъ обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ не только истинное знаніе всѣхъ по-возможности явленій внѣшняго, реальнаго, вещественнаго міра, но и умѣнье пользоваться ими для достиженія своихъ утилитарныхъ цѣлей. Все это взятое въ своей совокупности и способствуетъ сильному развитію и процвѣтанію Позитивной философіи въ нашъ практическій вѣкъ, не смотря на ея очевидную односторонность и несостоятельность.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.